ORG
PSY

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

№3 (23)

2023

АГЕНТСТВО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА

научный журнал

№3 (23)

Москва, 2023

УДК 81’23(050)
ББК 87.228.1
О-64

ISSN 2619–0273

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«Агентство социально-гуманитарных технологий»

Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. – Вып. № 3 (23). – Электрон, текстовые дан. (5,0 MB). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Электронный научный журнал «Организационная психолингвистика» является результатом научного сотрудничества ведущих специалистов в области языкознания и психологии. Издание включает публикации результатов теоретических и прикладных исследований, а также другую информацию научного характера. Периодичность выхода журнала 4 раза в год. Журнал учрежден в 2017 г.

Для специалистов в области лингвистики, психолингвистики, психологии и когнитологии, научных работников, преподавателей, докторантов и аспирантов, а также всех, кто интересуется различными аспектами языка и речи.

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведённых сведений, данных и дат. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Организационная психолингвистика» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Журнал выпускается на электронном носителе (CD-R).

Архив номеров доступен http://www. psycholinguistic.ru

Издатель:
ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий»
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24
Тел. +7(926)384-02-69
e-mail: orgpsyling@yandex.ru
http://www.psycholinguistic.ru

Минимальные системные требования:
Pentium 4.2 ГГц; 512 MB RAM; Не менее 4 MB свободного места на винчестере; Windows 2000, XP, Windows 7, 8, 10; CD-ROM; Программа для чтения PDF-файлов.

© Агентство социально-гуманитарных технологий, 2023
© Авторы, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Мыскин Сергей Владимирович**, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор Московского городского педагогического университета (Россия)

Зам. главного редактора – **Тарасов Евгений Фёдорович**, профессор, доктор филологических наук, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Журавлёв Игнатий Владимирович, кандидат психологических наук, старший преподаватель Московской Международной Академии (Россия)

Ильина Виолетта Александровна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета (Россия)

Исаев Евгений Иванович, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогической психологии им. В.А. Гуружапова Московского психолого-педагогического университета (Россия)

Кудрявцев Владимир Товиевич, доктор психологических наук, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

Радченко Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшего образования, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный гражданин штата Оклахома (США), член Научного сообщества по истории языкознания (Мюнстер, ФРГ), член Общества немецкого языка (ФРГ), профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета (Канада)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алефиренко Николай Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия)

Богоявленская Диана Борисовна, профессор, доктор психологических наук, главный научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, профессор кафедры психологической антропологии Московского педагогического государственного университета (Россия)

Бойко Борис Леонидович, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков Военного университета МО РФ (Россия)

Булгаков Александр Владимирович, профессор, доктор психологических наук, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

Вашунина Ирина Владимировна, доцент, доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой романо-германских языков Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ (Россия)

Григорьев Андрей Александрович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН РФ (Россия)

Дугарова Туяна Цыреновна, доктор психологических наук, доцент, профессор Московского педагогического государственного университета (Россия)

Иванов Николай Викторович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

Каминская Маргарита Владимировна, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук (Россия)

Клюканов Игорь Энгелевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социокультурных коммуникаций Российского нового университета, профессор Eastern Washington University (Чини, США)

Комалова Лилия Ряшитовна, доцент, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отделом языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН РФ (Россия)

Корытова Галина Степановна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития личности Института психологии и педагогики Томского государственного педагогического университета (Россия)

Кремнёв Евгений Владимирович, доцент, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой китаеведения института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Россия)

Кыштымова Ирина Михайловна, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и развития личности Педагогического института Иркутского государственного университета (Россия)

Лельчицкий Игорь Давыдович, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, заместитель председателя Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК Министерства образования и науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в

области образования, директор Института педагогического образования, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Член Президиума ВАК Республики Беларусь, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета (Беларусь)

Попова Татьяна Георгиевна, профессор, доктор филологических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Россия)

Приступа Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и семейной педагогики Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета (Россия)

Романов Алексей Аркадьевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии психологических наук, академик Академии гуманитарных и социальных наук, член Российского психологического общества, директор Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии (Россия)

Рябова Марина Эдуардовна, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета (Россия)

Саргсян Левон Кароевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии им. академика Мкртича Мазманяна

Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна, судебно-психологический эксперт (Армения)

Сигал Кирилл Яковлевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН РФ (Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Россия)

Слободчиков Виктор Иванович, профессор, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования, главный научный сотрудник Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (Россия)

Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук Хэйлунцзянского университета Китая, ведущий научный сотрудник центра исследования русской лингвистики, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета (Китай)

Шляхов Владимир Иванович, профессор, доктор педагогических наук, профессор Российского университета дружбы народов (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Мыскин С.В. К постановке проблемы «патологии языковой личности»..... 10

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Комалова Л.Р. Вербализация стратегий совладания с деструктивным речевым поведением родителя (экспериментальное исследование ответной речевой реакции молодежи)..... 25

Ксенз М.И., Ломова О.Е. Лингвистическая характеристика речевого поведения современных немецко- и русскоязычных детей старшего дошкольного возраста..... 50

Сон Л.П. Язык интернет-коммуникации: вторичный глоттогенез и формирование новой символико-семиотической системы..... 67

ХРОНИКА, ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Булгаков А.В. Обзор исследований концепта «мудрая человечность организации» в контексте когнитивного подхода..... 80

Маслова В.А. Миф как проекция коллективного бессознательного в языке и культуре..... 99

ОБ АВТОРАХ..... 112

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ..... 113

CONTENTS

CONCEPTUAL ISSUE OF ORGANISATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

Myskin S.V. To the formulation of the problem of "pathology of linguistic personality"…… 10

DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

Komalova L.R. Adolescent's coping-strategies verbalization in respond to parent's destructive speech behavior (experimental research)…… 25

Ksenz M.I., Lomova O.E. Linguistic characteristics of speech behavior of modern german- and russian-speaking children of senior preschool age…. 50

Son L.P. The language of internet communication: secondary glottogenesis and the formation of a new symbolic-semiotic system…… 67

CHRONICLES AND REVIEWS

Bulgakov A.V. Review of research on the concept of "wise humanity of an organization" in the context of a cognitive approach…….. 80

Maslova V.A. Myth as a projection of the collective unconscious in language and culture…… 99

ABOUT AUTHORS…… 112

INFORMATION FOR AUTHORS…….. 113

5.3.1; 5.9.8; 5.12.3
УДК 81.23; 159.9

С.В. Мыскин
Московский городской педагогический университет
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
myskinsv@mgpu.ru

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ «ПАТОЛОГИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ»

Аннотация. В статье представлены ключевые положения оригинальной авторской теории патологии языковой личности. Автор рассматривает феномен патологии языковой личности в неотъемлемой его связи с процессом общения. Патология в данном смысле характеризуется как искаженное, зависимое видение мира, возникающее вследствие нарушений потребностно-мотивационной сферы личности. Проецируя иррациональное видение на порождаемые тексты и предъявляя их другим, патологическая языковая личность деструктивно влияет на категориальные структуры сознания реципиентов. Автор описывает структуру патологической языковой личности. А также классифицирует признаки патогенного текста.

Ключевые слова: патология языковой личности, патогенный текст, психологический объем текста, сознание, языковое поглощение.

S. Myskin

TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM OF "PATHOLOGY OF LINGUISTIC PERSONALITY"

Abstract. The article presents the key provisions of the original author's theory of pathology of linguistic personality. The author examines the phenomenon of linguistic personality pathology in its integral connection with the process of communication. Pathology in this sense is characterized as a distorted, dependent vision of the world, arising as a result of violations of the need-motivational sphere of the individual. By projecting an irrational vision onto the generated texts and presenting them to others, the pathological linguistic personality destructively influences the categorical structures of the recipients' consciousness. The author describes the structure of a pathological linguistic personality also classifies the signs of pathogenic text.

Keywords: pathology of linguistic personality, pathogenic text, psychological volume of text, consciousness, language absorption.

Введение

Понятие «патология языковой личности», прежде всего, интригует своим семантическим сочетанием. И правда, феномен языковой личности является научным достоянием языкознания, а термин патология всегда относит читателя к сфере психиатрии, патопсихологии и клинической психологии. Языковая личность трактуется лингвистами как некая модель, конструкт для анализа речевых произведений конкретного автора с целью выявить социокультурные, личностные факторы, повлиявшие на вид и стиль его произведения, выбор эпохи, сюжетов и образов героев. Психическая патология есть нарушение психики вследствие заболеваний головного мозга [2]. Казалось бы, понятия не совместимы. Однако автор предлагает собственный оригинальный взгляд на взаимосвязь клинических и языковых феноменов.

В истории науки не редкость возникновение новой теории, понятия, феномена, возникших на стыке смежных научных направлений. Так появились, например, математическая лингвистика, космическая генетика, организационная психология и т. п. А близким к обсуждаемой нами проблеме примером является нейролингвистика А.Р. Лурии [7]. Все эти области научного знания прошли свое становление от этапа накопления фактов и эмпирических данных, к этапам понятийного обобщения и формулировки концептуальных положений. Идея «патологии языковой личности» также возникла в результате анализа и систематизации различных фактов, особенностей и трансформаций, присущих современным условиям нашей жизни. А специфика момента сегодняшней жизни такова – «современный мир можно назвать миром Языка» [9, с. 16]. Стремительная информатизация взаимодействия людей в глобальных масштабах, внедрение прорывных цифровых технологий в их общение, создали особые условия для функционирования языка. Языковой знак,

слово, текст приобрели и усилили представительскую функцию субъекта в различных информационно-коммуникативных ситуациях. А следовательно, увеличился *психологический объем произносимого слова,* или, другими словами, вырос объем симулякра, по Ж. Бодрийяру. Если в доцифровой период смысл сообщения дополнялся невербальными компонентами и непосредственным образом самого автора, то в цифровую и дистанционную эпоху происходит трансформация механизмов смыслового восприятия [3]. Происходит смещение «центра тяжести» в речевом воздействии с употребления неязыковых знаков, присущих непосредственному общению, на используемые языковые средства и речевые приемы. Ведь при непосредственном общении у субъектов всегда есть возможность физической регуляции совместной деятельности. А общение, опосредствованное информационными технологиями, требует от коммуникантов так формулировать мысль, чтобы смысл не изменялся до момента получения результата совместной деятельности.

Конечно же, человеческое общение не утратило своей непосредственности, но образовавшаяся информационно-коммуникативная среда внесла свои коррективы в характер протекания этого процесса. Следует признать, что речевые сообщения (письменные или устные) усилили свой воздейственный, побудительный потенциал, и это распространилось на все формы общения. Данное обстоятельство как раз и обусловило появление фактов и феноменов деструктивного характера, которые требуют серьёзного междисциплинарного анализа. Например, телефонные мошенники используют целые наборы речевых шаблонов и побуждают жертв по своей воле отдавать собственные сбережения. При этом объективно ясно, что видение жертвой мнимой ситуации достигается лишь в ходе речевого воздействия. Подобные же механизмы активизируются и у жертв сект, деструктивных культов,

террористических организаций. Под речевым воздействием (вне непосредственного контакта с вербовщиком) сознание адептов трансформируется и мир предстает совсем в иных, неадекватных образах. Конечно, приведенные примеры отражают далеко не весь спектр ситуаций деструктивного речевого воздействия в жизни современного человека. Однако обозначенный феномен деструкции сознания присущ практически любой подобной ситуации.

Деформация сознания возникает в условиях специфического общения, в котором адресант (инициатор) демонстрирует весь потенциал развития способности продуцировать побудительные тексты, приводящие к разрушению сознания адресата, к его «патологии». Пример подобных текстов мы встречаем при анализе речи абьюзера:

«*С подругами не встречайся, к маме в соседний город не поедешь! Ты после работы пошла в кафе с коллегами!?! А ты не офигела ли!!!!*

Ты вырядилась как чучело! А что это у тебя на лице? Боевая раскраска?!?

С кем это ты поздоровалась? С коллегой? У тебя с ним что-то было?!? Ты мне изменяешь?!

Иди ко мне, моя нежность!!! (Через некоторое время) Ты чего здесь расселась, корова! Мешаешь мне сосредоточиться!!!...».

К подобному деструктивному общению относятся и тексты мошенников.

«Здравствуйте!.. Вы Смирнов Александр Александрович?.. Оператор центрального отделения банка РУТБ… Поступила информация о том, что с Вашего счета сейчас пытаются снять деньги мошенники… Да, именно

сейчас идет взлом вашего сберегательного счета…. Нужно торопиться… Скажите, мы будем блокировать счет?.. Да, срочно!.. Сколько там денег сейчас?.. Если Вам будут приходить сейчас СМС, то срочно сообщите мне, чтобы я смогла их блокировать!.. Что в сообщении написано?.. Продиктуйте мне цифры… Скорее!..»

Автор таких текстов, по сути, вживается в свои собственные слова, заставляет строить в своем сознании несуществующий образ себя. Например, абьюзер оценивает себя как тотального знатока жизни, как высшую инстанцию по отношению к супруге, детям. Причем успешность речевого воздействия закрепляет эти представления, а затем наступает момент, когда человек – субъект воздействия, становится заложником вымышленного образа, как это бывает при построении идеологического текста. В свою очередь, реципиент некритично воспринимает предъявляемый адресантом мнимый образ себя, смыслы патогенных сообщений которого вынуждают его действовать против своей воли, вразрез со своими актуальными потребностями. Таковы, например, тексты жертвы абьюза.

«Ну, ему сейчас тяжело на работе… Он, наверное, очень нервничает из-за нового начальника… очень больно… но, надо потерпеть… у него все наладится вскоре…»

Вышесказанное позволяет зафиксировать внимание читателя на следующем. Современные условия способствуют возникновению специфических коммуникативных ситуаций, в которых наблюдается эффект *примата языка над субъектностью человека*. Данный тезис содержит фундаментальные предпосылки дальнейшего изучения

взаимосвязи языка и личности, задающие генеральный исследовательский вектор: психологические эффекты порождения и восприятия речевых сообщений, приводящих к разрушению, «патологии» сознания, могут быть проанализированы с позиций теории языковой личности Ю.Н. Караулова [5], теории речевой деятельности А.А. Леонтьева [6], принципов смыслового восприятия И.А. Зимней [3], экспериментальной психосемантики В.Ф. Петренко [11], а также некоторых положений нейролингвистики А.Р. Лурии [7] и рационально-эмоционально-поведенческой концепции А. Эллиса [13]. Именно такой комплексный взгляд на коммуникативные реалии современного мира и обусловил введение в научный дискурс понятия «патология языковой личности».

Признаки патологии языковой личности

Ранее нами были подробно описаны сущность и проявления патологии языковой личности [10]. Кратко представим введенные формулировки.

Прежде всего, обратимся к определению понятия «патологической языковой личности» – это совокупность психологических особенностей личности, обусловливающих иррациональное смысловое восприятие, а также порождение патогенных прецедентных текстов, обладающих такими воздействующими характеристиками, которые способствуют сужению, «уплощению» сознания реципиентов, его патологическому функционированию. Патология языковой личности возникает при нарушениях потребностно-мотивационной сферы человека, проявляется в деструктивном речевом воздействии и в других речевых проявлениях патогенных текстов. Сразу отметим, что феномен языковой личности может быть осмыслен лишь при целостном рассмотрении субъекта и

объекта речевого воздействия. Поскольку сутью понятия выступают порождаемые и воспринимаемые тексты, а также их значимость для коммуникантов.

Итак, патологическая языковая личность искаженно воспринимает объективную реальность, продуцирует соответствующие патогенные тексты и предъявляет их для восприятия партнерам по общению, «заражая» их иррациональностью. Данный подход позволяет выделить следующие признаки патологии языковой личности:

– нарушения потребностно-мотивационной сферы субъекта способствуют иррациональной интерпретации объективной реальности и как следствие, формированию прецедентных текстов, патогенность которых проявляется, прежде всего, в смысловой неадекватности реальным жизненным обстоятельствам;

– прецедентность патогенного текста активирует у субъекта психологические механизмы необратимости иррациональной интерпретации объективной реальности;

– усиленный воздейственный потенциал патогенного прецедентного текста оказывает разрушающее, «патологическое» влияние на сознание реципиентов, что обусловливает утрату субъектности всеми участниками коммуникации, т. е. демонстрацию поведения неадекватного их актуальным потребностям, а диктуемого мнимыми, объективно не существующими стимулами.

Обобщая выделенные признаки, можно обозначить патогенный текст объектом исследовательского анализа патологии языковой личности.

Психолингвистические механизмы патогенности речевого сообщения

Выявление и определение патогенных признаков текста, а также раскрытие механизмов его функционирования, выступает актуальной задачей нашего анализа.

Как было отмечено выше, потребностно-мотивационная сфера обусловливает процессы порождения и восприятия речевых сообщений. А.Р. Лурия отмечает по этому поводу: «мотив стоит у истоков высказывания» [7, с. 28]. Мотив деятельности, в которой развертывается речевое общение, определяет всевозможные взаимосвязи, стоящие за словом, а также придает субъективный (аффективный) смысл высказыванию. Известно, что не поверхностно-синтаксические структуры определяют смысл высказывания, а его мотив, подтекст, контекст и просодические структуры. Следовательно, нарушение мотивации изменяет всю схему перехода от мысли к слову.

Прежде чем анализировать признаки патогенности текста, необходимо раскрыть сущность мотивационных нарушений, приводящих к патологии языковой личности. В клинической психологии подробно описаны классификации и виды мотивационных нарушений (расстройств). Наиболее общей можно считать следующую. Нарушения 1) содержания мотивации, 2) частоты, интенсивности и устойчивости, 3) качества мотивации. Применительно к обсуждаемой нами проблеме все выделенные классы представляются целесообразными. Содержательные расстройства включают отклоняющиеся от нормы (в нашем случае, социальной) побуждения. Например, причинение ущерба людям или человеку вообще. Мошенничество как раз содержит такую мотивационную основу. Увеличение интенсивности какой-либо мотивации, частоты ее проявления, неадекватная устойчивость в различных жизненых ситуациях наносят

ущерб всем другим мотивам личности, формируют «однобокий» взгляд на окружающий мир. Например, так можно охарактеризовать внутренний мотивационный мир религиозного фанатика, террориста. Качество мотивации зависит от рациональных и рефлексивных процессов субъекта. Качественные нарушения проявляются либо в отсутствии контроля над своими побуждениями (импульсивность, реактивность), либо в сверхконтроле. Примером здесь может служить мотивация участников буллинга: буллер демонстрирует полезависимое поведение, а жертва проявляет избыточную фиксацию на актуальной социальной ситуации. Обобщая вышесказанное, можно обозначить следующие характеристики нарушений потребностно-мотивационно сферы, приводящие к патологии языковой личности: максимизация побудительной «силы», чрезмерная направленность, а также аффективная подчиненность когнитивных и рефлексивных процессов.

Далее рассмотрим возможные психолингвистические механизмы формирования патогенного текста, приводимые в действие вышеописанными нарушениями потребностно-мотивационной сферы личности.

В психолингвистике принято фундаментальное положение о том, что общение – это процесс, направленный на организацию совместной деятельности [8; 12]. Мы включаемся в общение, чтобы договориться с кем-то о совместном деле. Общаясь, мы вербализуем наши мысли и идеи таким образом, чтобы они были не только понятны нашему партнеру, но и раскрывали заложенный нами смысл. Партнер, воспринимая наши слова, и ориентируясь на лексические и грамматические знаки, строит собственный смысл предъявленного. Этот процесс можно обозначить как смысловое сотворчество. Грамотность, семантическая адекватность построения сообщений и всего процесса общения обеспечивает схожесть,

сочетание смыслов коммуникантов, но не их идентичность. Схожесть смыслов выступает залогом результативной совместной деятельности.

При нарушениях потребностно-мотивационной сферы внешняя структура речевого сообщения остается сохранной, но меняются его мотивы, семантические связи и глубинные грамматические структуры. Например, профессиональная речь педагога деформируется под влиянием хронического эмоционального стресса на семантическом и лексико-грамматическом уровнях. Причем эти изменения неосознанно усваиваются всеми субъектами педагогической ситуации, в т.ч. и учениками. На семантическом уровне это выражено употреблением терминов семантической безисключительности, долженствования: *«Этого не может быть!!! Никогда этому не бывать! Без сомнения, это должно быть так!», «это должно быть для всех ясно как дважды два», «я уверена», «здесь правила устанавливаю я»*. Нарушается сверхфразовое единство высказывания: «*Любовь к Родине появляется у человека еще в детстве, когда он начинает воспринимать родные места, где родился и вырос, обычаи, книги и культуру. Поэтому наша страна многонациональная и многокультурная».* Появляются синкретичные ассоциации: *«Твоя школьная форма рада будет тебя увидеть», «Моему дому понравился мой распорядок дня», «Сделай свой завтрак как фильм»; «Учебник похож на учителя».* Обнаруживаются признаки персеверации: *«Утреннюю зарядку обычно делают по утрам», «Учебная форма в учебном заведении»* [4]. Изменения, происходящие на глубинном уровне, способствуют установлению хаотичных, нелогичных связей внутренних переживаний с объективной реальностью. Можно предположить, что семантическая запись будущего сообщения образуется синкретично. В результате формируется неадекватная картина мира. Итак, содержательная, смысловая неадекватность выступает *первым* признаком патогенного текста. В силу

облигаторного характера потребности в общении, а также социальной обусловленности своего существования, человек вынужден вступать во взаимодействие с другими. Причем кажущаяся уникальность собственного видения мира увеличивает психологическую силу текста. Важно, что человек с патологией языковой личности не стремится к совместной деятельности, а создает множественные субъект-объектные ситуации общения. Другой человек для него прежде всего потребитель его мыслей, идей, текстов. Осознанно или нет, но патологическая языковая личность стимулирует реактивное речевое поведение у всех участников общения. Ведь если допустить рефлексию над услышанным, то текст и содержащиеся в нем смыслы подвергнутся серьёзной критике, и не будут восприняты. Поэтому патогенный текст должен восприниматься цельно, как неделимый объект, не подвергаемый сомнению. Это *второй* признак патогенного текста. *Третьим* признаком выступает то, что для цельного восприятия текста необходима направленность его на базовые, жизненно важные потребности слушающего. Катастрофичность, лимит времени, декларативность и прочие языковые и речевые приемы, используемые в процессе общения, ставят под сомнение безопасность людей, стабильность их жизни, сохранность отношений с близкими, возможность развиваться, удовлетворять насущные потребности.

Итак, психолингвистическими признаками патогенного текста служат:

– наличие синкретичных связей субъективного отношения к внешнему миру с объективной реальностью;

– преобладание формы над содержанием, т. е. языковой материал исключает возможность построения реципиентом собственных смыслов (теоретических или практических), а стимулирует восприятие его как

цельного неделимого объекта, который надо лишь оценивать и потреблять;

– использование в тексте языковых средств, которые направлены не на формирование высших смыслов, а воздействует на низшие, базовые потребности.

В совокупности приведенные характеристики создают патогенные условия для разрушения многомерной категориальной системы индивидуального сознания реципиента, риск его «сужения», патологического функционирования.

В психогерменевтике рассматриваются различные формы текстов и их отношения. Традиционно выделяют прецедентный, актуальный и интертекст. Прецедентный текст является, по сути, первоисточником, значимым для конкретной культуры, общности. Актуальный текст непосредственно предъявляется для восприятия. Интертекст – это то смысловое содержание, которое образуется у реципиента при взаимодействии прецедентного и актуального текстов. В этом, возможно, и раскрывается суть смыслового сотворчества. Патологическая языковая личность, как мы уже отмечали выше, не стремится к сотворчеству. Ее мотивом выступает достижение полной смысловой идентичности «адептов». Такой человек нуждается в тотальном смысловом обобщении других людей, чтобы они некритично совместились своими структурами сознания с его картиной мира. А условием для этого является слияние, смысловая синхронизация прецедентного, актуального и интертекста. Такой феномен мы обозначаем как *эффект языкового поглощения*, возникающий вследствие психологической интенсификации обобщающей функции речи.

Заключение

Постановка и решение проблемы патологии языковой личности является непростой задачей. Причины такой сложности разнообразны: дистанцированность психологической и лингвистической наук, прикладная «слабость» теорий и концепций, культурная «пропасть» между поколениями ученых, отсутствие или местечковость гуманитарных научных школ и пр. Однако современные реалии нашей жизни внушают уверенность в перспективности отечественной гуманитарной науки, в открытии новых фундаментальных знаний о человеке-говорящем, становлении знаковых научных школ, к каковым, по-нашему скромному мнению, может быть отнесена и школа психологии языковой личности.

Литература

1. *Ахутина Т.В.* Модель порождения речи Леонтьева-Рябовой: 1967–2005 // Вопросы психолингвистики, 1989. – № 6. – С. 13-27.

2. *Зейгарник Б.В.* Патология мышления. – М.: ЛЕНАНД, 2023. – 248 с.

3. *Зимняя И.А.* Смысловое восприятие речевого сообщения / Смысловое восприятие речевого сообщения. – М.: Наука, 1976. – С. 5-33.

4. *Исакова К.В.* Психолингвистические особенности профессиональной речи педагогов в условиях стресса / автореферат дисс… кандидата филол. наук. – М., 2022. – 26 с.

5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд-е 7-е. – М., 2010. – 264 с.

6. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.

7. *Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

8. *Мыскин С.В.* Специфика функционирования профессиональных прецедентных текстов в совместной деятельности работников. Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 10–3(40). – С. 134-141.

9. *Мыскин С.В.* Человек Говорящий как квинтэссенция общения и обобщения // Материалы Международной научно-практической конференции «Язык и личность в полидисциплинарной перспективе», 16–17 декабря 2022 г., Москва. – М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2022. – С. 15-20.

10. *Мыскин С.В., Кудрявцев В.Т.* Языковая личность в норме и патологии / Материалы Международной научно-практической конференции «Психическое здоровье личности. Языки психиатрии и психологии», 19–21 октября 2023 г., г. Ереван, Армения. Ереван: АГПУ, 2023.

11. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.

12. *Тарасов Е.Ф.* Проблема множественного коммуниканта // Организационная психолингвистика. – М.: АСГТ, 2022. – № 2(18). – С. 9-22.

13. *Ellis A.* (1962) Reason and Emotion in Psychotherapy. – New York: Lyle Stuart.

References

1. *Ahutina T.V.* Model' porozhdenija rechi Leont'eva-Rjabovoj: 1967–2005. Voprosy psiholingvistiki, 1989. – № 6. – S. 13-27.

2. *Zejgarnik B.V.* Patologija myshlenija. – M.: LENAND, 2023. – 248 s.

3. *Zimnjaja I.A.* Smyslovoe vosprijatie rechevogo soobshhenija / Smyslovoe vosprijatie rechevogo soobshhenija. – M.: Nauka, 1976. – S. 5-33.

4. *Isakova K.V.* Psiholingvisticheskie osobennosti professional'noj rechi pedagogov v uslovijah stressa / avtoreferat diss… kandidata filol. nauk. – M., 2022. – 26 s.

5. *Karaulov Ju.N.* Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. Izd-e 7-e. – M., 2010. – 264 s.

6. *Leont'ev A.A.* Osnovy psiholingvistiki. – M.: Smysl, 1997. – 287 s.

7. *Lurija A.R.* Osnovnye problemy nejrolingvistiki. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. – 256 s.

8. *Myskin S.V.* Specifika funkcionirovanija professional'nyh precedentnyh tekstov v sovmestnoj dejatel'nosti rabotnikov. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2014. – № 10–3(40). – S. 134-141.

9. *Myskin S.V.* Chelovek Govorjashhij kak kvintjessencija obshhenija i obobshhenija // Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Jazyk i lichnost' v polidisciplinarnoj perspektive», 16–17 dekabrja 2022 g., Moskva. M.: OOO «Agentstvo social'no-gumanitarnyh tehnologij», 2022. – S. 15-20.

10. *Myskin S.V., Kudrjavcev V.T.* Jazykovaja lichnost' v norme i patologii / Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Psihicheskoe zdorov'e lichnosti. Jazyki psihiatrii i psihologii», 19–21 oktjabrja 2023 g., g. Erevan, Armenija. Erevan: AGPU, 2023.

11. *Petrenko V.F.* Osnovy psihosemantiki. 2-e izd., dop. SPb.: Piter, 2005. – 480 s.

12. *Tarasov E.F.* Problema mnozhestvennogo kommunikanta // Organizacionnaja psiholingvistika. – M.: ASGT, 2022. – № 2(18). – S. 9-22.

13. *Ellis A.* (1962) Reason and Emotion in Psychotherapy. New York: Lyle Stuart.

5.3.1; 5.9.8; 5.12.13
УДК 004.81; 159.9.072; 81'33

Л.Р. Комалова
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
117418, Нахимовский проспект, 51/21
Москва, Россия,
komalova@inion.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ С ДЕСТРУКТИВНЫМ РЕЧЕВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ РОДИТЕЛЯ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОТВЕТНОЙ РЕЧЕВОЙ РЕАКЦИИ МОЛОДЕЖИ)[1]

Аннотация. В статье описывается исследование, целью которого является соотнесение речевого поведения ребёнка в ответ на деструктивное речевое поведение родителя с описанием копинг-стратегий, представленным в психологической литературе. Дизайн исследования включает экспериментальную процедуру по типу проективного теста, которой предшествует лексико-семантический анализ дескрипторов копинг-стратегий. В исследовании приняли участие 53 человека (29 женщин и 24 мужчины) в возрасте 18-37 лет, учащиеся гуманитарных вузов и / или работающие по гуманитарным специальностям. Испытуемым предлагалось представить себя в социальной роли ребёнка в пяти модельных ситуациях и в письменной форме зафиксировать свою вербальную реакцию (в форме прямой речи) в ответ на речевое поведение родителя / родителей в каждой из предлагаемых ситуаций. В результате анализа речевого поведения ребёнка было выявлено, что переменные «ситуация взаимодействия между ребёнком и родителем» и «биологический возраст ребёнка» оказывают влияние на предпочтения ребёнка при вербализации копинг-стратегий, в то время как переменная «биологический пол ребёнка» влияет на выбор копинг-стратегий лишь в сочетании с другими переменными. В ответ на деструктивное речевое поведение родителя в модельных ситуациях в речевом поведении ребёнка преобладает вербализация таких копинг-стратегий, как «поиск социальной поддержки», «планирование решения проблемы», «конфронтация» и «принятие ответственности». В ситуациях с большей автономией ребёнка более выражена вербализация копинг-стратегии «планирование решения проблемы», в ситуациях с меньшей автономией ребёнка более выражена вербализация копинг-стратегии «конфронтация».

Ключевые слова: копинг-стратегии, совладание, речевое поведение, детско-родительские отношения, биологический пол.

---

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания Института научной информации по общественным наукам РАН по теме «Лингвокогнитивные аспекты цивилизационных противоречий».

L. Komalova

ADOLESCENT'S COPING-STRATEGIES VERBALIZATION IN RESPOND TO PARENT'S DESTRUCTIVE SPEECH BEHAVIOR (EXPERIMENTAL RESEARCH)[2]

Abstract. The paper describes a research aiming at correlating the adolescent's speech behavior in response to the parent's destructive speech behavior with the description of coping-strategies conceptualized in the psychological literature. The research design includes an experimental procedure similar to a projective test, which is preceded by a lexico-semantic analysis of coping-strategies' descriptors. The research involved 53 people (29 females and 24 males) aged 18-37, students of humanitarian universities and / or working in humanitarian specialties. The subjects were asked to imagine themselves in the social role of a child in five model situations and to record in writing their verbal reaction (in the form of direct speech) in response to the verbal behavior of the parent / parents in each of the proposed situations. As a result of the analysis of the child's speech behavior, it was revealed that the variables "the situation of interaction between the child and the parent" and "the biological age of the child" influence the child's preferences when verbalizing coping-strategies, while the variable "the biological sex of the child" affects the choice of coping-strategies only in combination with other variables. In response to the parent's destructive verbal behavior in model situations, the child's verbal behavior is dominated by the verbalization of such coping-strategies as "search for social support", "problem solving planning", "confrontation" and "acceptance of responsibility". It was revealed that in situations with greater autonomy of the child, the verbalization of the coping-strategy "problem solving planning" is more pronounced, in situations with less autonomy of the child, the verbalization of the coping-strategy "confrontation" is more pronounced.

Keywords: coping-strategies, coping behavior, speech behavior, parent-child relationship, biological sex.

Коммуникативная пара «родитель ↔ ребёнок»

Результаты научных исследований подтверждают, что детско-родительские отношения оказывают влияние на развитие личности ребёнка, формируя паттерны поведения (см., например: [3; 15; 18]), помогая выработать механизмы социализации [6], адаптироваться к окружающим стрессорам [1]. «Семья, являясь наиболее ранним институтом социализации ребенка, оказывает большое влияние на формирование личности подростка и поэтому <…> детско-родительские отношения

[2] The research is carried out within the framework of the state assignment of the Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences», project «Linguacultural aspects of civilizational contradictions».

связаны с выбором совладающего поведения» [10, с. 29]. «Взаимоотношения с родителями будут оказывать влияние на формирование особенностей совладающего поведения» [16, с. 109]. Таким образом, взаимодействие «родитель ↔ ребенок» является значимым для ребёнка.

В этом взаимодействии родитель осуществляет воспитательную функцию, нередко пренебрегая желаниями ребенка. Е.А. Овсянникова и Н.С. Ткаченко на основе проведенного исследования влияния детско-родительских отношений на выбор подростками копинг-стратегий утверждают, что воспитание – это главное дело жизни родителей. «Но центральная воспитательная линия проявляется в запретах и в манипулировании ребенком практически в половине семей подростков (высокие значения шкалы “авторитарность”: мать 51,3%, отец 51%). Результат парадоксален: воспитательного эффекта нет, даже если ребенок подчиняется, он не может сам принимать решения. Оба родителя проявляют полное подавление воли ребенка, полный контроль его действий, ограничение самостоятельности» [13, с. 164]. Результаты опроса подростков указывают на то, что их родители осведомлены о его / её делах и интересах, передают им ответственность, демонстрируют любовь и внимание к ним, удовлетворяют их материальные потребности, потребности во внимании, в информации, в совместном и равноправном выполнении заданий, родители понимают чувства и состояния ребёнка, на ряду с этим демонстрируют ярко выраженную систему контроля, не контролируемое количество и качество декларируемых требований, находясь с ребёнком в тесной эмоциональной связи [Там же].

Деструктивное (в том числе речевое) поведение родителя по отношению к ребёнку, как правило, вызывает у ребёнка эмоционально-психологическое напряжение, состояние тревоги и чувство вины.

«Например, студенты, испытывающие стресс в межличностных взаимоотношениях, сообщают о высоком уровне тревоги и депрессии, у них наблюдается склонность к соматизации негативных психоэмоциональных состояний» [16, с. 108; 19]. «Фактором возникновения тревожности является широкий круг семейных взаимоотношений, включающих весь спектр нарушений в отношениях “родитель – ребенок”: от гипоопеки до гиперопеки, от завышенных ожиданий и требований, которые ребенок не может осуществить, до попустительства» [1, с. 14].

Копинг-стратегии как способ справиться с трудными ситуациями и эмоционально-психологическими состояниями

Проблема совладающего со стрессовыми условиями жизнедеятельности поведения стала изучаться во второй половине XX века. Л. Мерфи ввел в научный обиход понятие “копинг”, а Р. Лазарус в рамках трансакционной модели стресса разработал концепцию копинг-поведения. Е.А. Овсянникова и Н.С. Ткаченко отмечают, что в отечественной психологии данной проблемой стали заниматься немного позднее [13, с. 163]: «в аспекте когнитивных и поведенческих структур этот вопрос изучала Л.И. Анцыферова, способы преодоления трудной жизненной ситуации, адекватные личностным диспозициям и ситуации, исследовала Т.Л. Крюкова [7], такие факторы как личность субъекта и реальная ситуация, определяющие психологическое преодоление сложных ситуаций, рассматривала С.К. Нартова-Бочавер [11]; об определенном механизме, обеспечивающем достижение успеха, – о копинг-стратегии “решения проблем”, о семьях, которые могут формировать у членов семьи определенный стиль реагирования в стрессовых ситуациях, писали И.В. Добряков, И.М. Никольская, Э.Г. Эйдемиллер [17]».

Под копинг-стратегиями (стратегиями совладания) понимают когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии, которые применяются для преодоления стрессовых, сложных эмоционально-психологических ситуаций [9; 16, с. 108]. Выделяют следующие копинг-стратегии: планирование решения проблемы, принятие ответственности, поиск социальной поддержки, самоконтроль, положительная переоценка, дистанцирование, бегство-избегание (проблем), конфронтация. Актуализация копинг-стратегий способствует уменьшению тревоги, обретению чувства безопасности и адаптации в обществе [2; 3, с. 98]. «Совладающее поведение является стабилизирующим фактором, помогающим личности осуществить психологическое приспособление к трудной ситуации во время переживаемого стресса при невозможности ее изменить» [10, с. 31]. И.М. Никольская акцентирует внимание на том, что «формирование широкого спектра эффективных способов, навыков преодоления и стратегий совладания в трудной жизненной ситуации способствует развитию более целостной и успешной личности» [12].

Методика экспериментального исследования

Целью проводимого нами исследования является соотнесение речевого поведения ребёнка в ответ на деструктивное речевое поведение родителя с описанием копинг-стратегий, представленным в психологической литературе. Дизайн исследования включает экспериментальную процедуру по типу проективного теста, которой предшествует лексико-семантический анализ дескрипторов копинг-стратегий.

Рабочая гипотеза исследования

Зависимой переменной является показатель вербализации копинг-стратегий в речевом поведении испытуемых в предлагаемых экспериментальных условиях. Независимыми переменными выступают показатели биологического возраста, биологического пола испытуемых и показатели ситуации взаимодействия.

Рабочая гипотеза исследования заключается в предположении, что в предлагаемых ситуациях деструктивного речевого поведения родителя по отношению к ребёнку в речевом репертуаре испытуемых, выступающих в социальной роли «ребёнок», будут преобладать копинг-стратегии, ориентированные на взаимодействие с родителем (поиск социальной поддержки, принятие ответственности); в ситуациях, предполагающих больше автономии и самостоятельности в действиях ребёнка, в речевом поведении испытуемых будет более выражена копинг-стратегия «планирование решения проблемы»; в ситуациях, в которых автономия ребёнка сильно ограничивается, в речевом поведении испытуемых будет более выражена копинг-стратегия «конфронтация» или копинг-стратегии «дистанцирование», «бегство-избегание». Мы также предполагаем, что переменные «биологический возраст» и «биологический пол» испытуемого не будут оказывать влияние на значение зависимой переменной.

Испытуемые

В исследовании приняли участие 53 человека (29 женщин и 24 мужчины) в возрасте от 18 до 37 лет (средний возраст равен 22,42 года, медиана = 22 года), учащиеся гуманитарных вузов и / или работающие по гуманитарным специальностям. Демографические сведения об испытуемых представлены в табл. 1. Все участники исследования являются совершеннолетними трудоспособными гражданами Российской Федерации, носителями русской лингвокультуры. Перед началом

исследования все испытуемые ознакомились с процедурой и условиями проведения эксперимента и дали свое согласие на участие в исследовании.

Таблица 1

Демографические характеристики группы испытуемых

Возрастной период	Количество испытуемых		Всего
	Женщины	Мужчины	
Юность (18-20 лет)	10	5	15
Молодость (21-25 лет)	18	15	33
Зрелость (26-37 лет)	1	4	5
Всего:	29	24	53

Исследовательская процедура

Сбор речевого материала осуществлялся в 2022-2023 году и проводился посредством заполнения Google-формы, в которой были представлены экспериментальные задания (пять модельных ситуаций реализации деструктивного речевого поведения родителя по отношению к ребёнку[3]). Испытуемым предлагалось прочитать описание каждой ситуации, представить себя на месте героя / героини этой ситуации (ребёнка) и в письменной форме зафиксировать свою вербальную реакцию (в форме прямой речи) в ответ на речевое поведение родителя / родителей в каждой из предлагаемых ситуаций.

Первая ситуация характеризуется стилем неправильного воспитания «повышенная моральная ответственность», когда со стороны родителя по отношению к ребёнку предъявляются непомерные требования, которые не соответствуют возможностям ребёнка, ставят под угрозу развитие его личности. Такие родители, как правило, «осознают, что ребёнок очень загружен, но не видят в этом чрезмерности нагрузки, они уверены, что

[3] В данном случае под номинацией «ребёнок» нами понимается социальная роль, т.е. фактически ребёнком может выступать человек в любом возрасте.

этого требуют обстоятельства, в которых семья находится в данный момент; от ребёнка ожидают значительных и не соответствующих его способностям успехов в учебе или других престижных занятиях» [13, с. 164-165].

Вторая ситуация характеризует поведение родителя как доминирующего субъекта в семье, требующего от ребёнка беспрекословного повиновения и исполнения воли родителя.

В третьей и четвертой ситуациях родитель реализует директивность, управляя жизнью и судьбой ребёнка: в третьей ситуации родитель директивно регулирует сферу досуга ребёнка, в четвертой ситуации – выбор будущей профессии.

В пятой ситуации родитель реализует контроль над действиями ребёнка, прибегая к манипулированию чувствами ребёнка через угрозу нанесения вреда эмоционально-психологическому состоянию родителя, выстраивая негативную причинно-следственную связь «поведение ребёнка причиняет вред родителю».

По нашему мнению, в ситуациях 4 и 5 ребёнок может располагать большей автономией, т.к. реализация действий осуществляется за пределами зоны родительских компетенций (место учебы и работы в ситуации 4, публичное место встречи в ситуации 5), к тому же эти ситуации имеют отношение к плану будущего (ситуация 4 – обозримого, ситуация 5 – ближайшего). Меньше автономии, по нашему мнению, у ребёнка в ситуациях 1 и 2, т.к. обе ситуации являются результатом прошлых действий ребёнка, которые невозможно изменить, к тому же осуществление роли родителя подразумевает контроль этих действий, т.е. сценарий взаимодействия между родителем и ребёнком является достаточно жёстким. Ситуация 3, по нашему мнению, является пограничной между двумя указанными крайностями, т.к. действия осуществляются на

родительской территории, где ребёнок является зависимым субъектом, но в то же время действия относятся к досуговой сфере деятельности ребёнка, которая предполагает более свободный выбор со стороны ребёнка и не столь сильное давление со стороны родителя.

В речевом поведении родителя в каждой из модельных ситуаций читается категоричность, пренебрежение мнением ребёнка, негативные установки (например, «будь безупречным», «не будь собой», «не чувствуй» и др.), уничижительное отношение к способностям ребёнка. Иными словами, речевое поведение родителя в модельных ситуациях можно охарактеризовать как деструктивное по отношению к ребёнку.

Испытуемые не ограничивались в объеме продуцируемой речевой реакции. Описания ситуаций и примеры речевых реакций испытуемых приведены в табл. 2.

Таблица 2

Стимульный материал и примеры реакций испытуемых

Описание модельной ситуации[4]	Примеры речевых реакций испытуемых[5]
Ситуация 1: Учащийся / Учащаяся вуза узнает свои результаты экзаменов / свою оценку за контрольную работу. Он / Она возвращается к себе домой и рассказывает об этом своим родителям (маме и папе / одному из родителей). В ответ он / она слышит: «*Нельзя было лучше написать?*» / «*А почему не пятёрка?*» / «*Мог / Могла бы и постараться*».	Ж: *Потому что. Попробуй поступить и сдать лучше.* Ж: *Не могла. Я так стараюсь. Почему ты недооцениваешь мои результаты* М: *Я написал на такую оценку, которую я знал, не понимаю этот предмет* М: *Лучше я написать не мог, так что вряд-ли получил другую оценку. Не думаю что она так важна / плоха, чтобы из-за неё ругаться*

[4] Автор статьи выражает искреннюю благодарность Гусельниковой Наталье Дановне, которая в процессе подготовки курсовой работы сформулировала описания модельных ситуаций и в 2022 году участвовала в сборе речевого материала.

[5] Примеры приводятся в авторской орфографии и пунктуации.

Ситуация 2: За юношей / девушкой закреплены определенные обязанности по дому, например, выносить мусор / мыть посуду / пылесосить. Однажды он забыл / она забыла сделать что-то из этого: родители (мама и папа / один из родителей) возвращаются домой и видят, что мусор не вынесли / посуду не помыли / пол не пропылесосили. Они начинают ругаться и говорят: «*Ты ничего никогда не можешь сделать нормально*» / «*Мы тебя просим о простых вещах, что, так сложно было?*» / «*Ты хоть что-нибудь способен / способна нормально сделать?*»	Ж: *За мои оплошности ты меня ругаешь, а если ты что-то забыла то это хи-хи ха-ха и ничего страшного, я же бездельница и только на диване валяюсь да сериалы смотрю целыми днями, я тоже могу устать, что-то забыть* Ж: *я так устала после допов, почему я не могу просто сделать всё позже, когда отдохну? мне тоже тяжело* Ж: *я взрослый человек и мне пора жить отдельно* М: *С кем не бывает, я просто забыл, я сейчас пойду и сделаю это* М: *Моя вина, простите*
Ситуация 3: У юноши / девушки есть хобби, увлечение, которое не одобряют его / её родители. Когда они застают его / её за любимым занятием, они начинают ругаться и говорят: «*Лучше бы чем-нибудь нормальным занялся / занялась*» / «*Сколько можно уже этой ерундой страдать?*»	Ж: *я итак учусь, отстаньте от меня, выйдите из моей комнаты* Ж: *Мне это нравится так мне спокойно и я хотела бы этим заниматься всю жизнь* М: *Я делаю то, что мне нравится, вы не должны меня за это упрекать* М: *У меня хватает времени на все*
Ситуация 4.1: Юноша закончил / Девушка закончила школу и пока ещё не решил / не решила, в какой вуз поступить. Юноша / Девушка хочет взять год на раздумья: попробовать себя в разных сферах деятельности, и после этого поступить на желаемую специальность. Ситуация 4.2: Юноша поступил / Девушка поступила в вуз и во время учебы понял / поняла, что специальность ему / ей не нравится и хочет перепоступить на другую.	Ж: *Я не хочу учиться на этой специальности, мне здесь не нравится и я не вижу перспектив в этой области. Я хочу попробовать пойти учиться в другую сферу деятельности, может быть там у меня получится* Ж: *Я сделала свой выбор. Спасибо что дали мне жизнь и воспитали. Я буду помогать вам в дальнейшем. Но сейчас я хочу сама построить свою карьеру.* Ж: *Я хочу скорее уехать из этого дома* М: *давай посмотрим все варианты*

На что родители (мама и папа / один из родителей) говорят: «*Мало ли, что тебе хочется, надо идти поступать*» / «*Вот когда закончишь институт, тогда и будешь делать, что хочешь*» / «*Есть такое слово “надо”*» / «*Мы для тебя всем пожертвовали, а ты хочешь делать только то, что тебе хочется?*»	М: *я буду несчастлив, если сделаю неправильный выбор. Поэтому я хочу сделать всё, чтобы сделать его правильно* М: *Зачем я буду тратить время на то, что мне не пригодится? Если надо будет, поступлю и получу высшее позже, сейчас я хочу заняться другим*
Ситуация 5: Друзья позвали юношу / девушку на концерт. Юноша / Девушка спрашивает у родителей (мамы и папы / одного из родителей) разрешения пойти, но они волнуются и не хотят отпускать его / её. Они говорят: «*Если ты так со мной поступишь, я этого не переживу*» / «*Если ты туда пойдёшь, я умру от беспокойства*» / «*Ты мать родную / отца родного со своими концертами в могилу сведёшь*».	Ж: *Мама / папа, я уже взрослая и я бы очень хотела, чтобы вы мне доверяли. Этим вы бы показали, что вы меня цените и любите* Ж: *Я буду всегда на связи и приеду домой не позже 23:00, пожалуйста позвольте мне пойти* М: *Честно говоря, не понимаю, почему вы сходите с ума по этому поводу. Что же вас так беспокоит?* М: *все будет хорошо я не один иду*

Далее собранный речевой материл соотносился по семантике с описаниями копинг-стратегий, приведенными в [8]. Для выявления вербализованной копинг-стратегии «конфронтация» мы опирались на разработанную классификацию речевых жанров конфликтного типа [4; 5]. Копинг-стратегия «дистанцирование» соотносилась нами со сменой темы, снижением значимости обсуждаемого вопроса; «самоконтроль» – с вербализованной концептуализацией подавления и сдерживания эмоций и переживаний; «поиск социальной поддержки» – с речевыми жанрами просьбы, оправдания (в ожидании понимания и сочувствия), эмпатийным обращением ребёнка к родителю, вербализацией переживаемых эмоциональных состояний; «принятие ответственности» – с речевыми жанрами самобичевания, вины, согласия и констатации факта; «бегство -

избегание» – с молчанием, риторическими вопросами, в которых ребёнок не принимал факты такими, какие они есть; «планирование решения проблемы» – с использованием модального глагола «буду» в сочетании с глаголом действия, с перечислением последовательности действий для реализации в будущем, с детальным описанием действий, преобразующих ситуацию; «положительная переоценка» – с вербализованной концептуализацией возможного или получаемого ребёнком опыта.

Речевой реакции каждого испытуемого присваивались индексы выявленных в ней вербализаций копинг-стратегий. Единицей обозначалось наличие соответствующего индекса. Для выявления тенденций в поведении зависимой переменной количество единиц подсчитывалось для каждого индекса по каждой ситуации в группах женщин и мужчин разного возраста. Для сопоставления и выявления тенденций полученные средние величины приводились к общему знаменателю.

Проверка статистической достоверности полученных данных проводилась с использованием критерия χ_r^2 Фридмана [14, с. 94-100].

Результаты экспериментального исследования

Частота вербализации копинг-стратегий в модельных ситуациях представлена в табл. 3. При проверке данных при помощи критерия χ_r^2 Фридмана выявленные различия в значениях оказались статистически достоверными при $\rho < 0{,}01$. Таким образом, переменная «ситуация взаимодействия между ребёнком и родителем» оказывает влияние на предпочтения ребёнка при вербализации копинг-стратегий.

Таблица 3

Влияние переменной «ситуация» на выбор копинг-стратегий

Ситуации	Копинг-стратегии (доля случаев для всей выборки – в %)							
	К[6]	Д	С	ПСП	ПО	БИ	ПРП	ПП
1	**32,76**	17,24	1,72	22,41	**63,79**	1,72	13,79	22,41
2	**35,59**	23,73	0	**57,63**	**47,46**	3,39	**38,98**	0
3	**57,14**	14,29	0	**67,86**	10,71	7,14	26,79	0
4	19,3	12,28	0	**43,86**	3,51	19,3	**61,4**	1,75
5	23,21	8,93	0	**57,14**	0	14,29	**60,71**	0
Средние:	33,6	15,3	0,34	49,8	25,1	9,17	40,3	4,83

Согласно полученным данным, в ответ на дестркутивное речевое поведение родителя в модельных ситуациях в речевом поведении испытуемых преобладает вербализация таких копинг-стратегий, как «поиск социальной поддержки», «планирование решения проблемы», «конфронтация» и «принятие ответственности» (в табл. 3 полужирным шрифтом отмечены значения, указывающие на то, что более трети испытуемых использовали эти копинг-стратегии в модельных ситуациях).

Речевое совладающее поведение ребёнка в первой ситуации характеризуется принятием ответственности на себя (ПО) и попыткой оспорить свою вину (К). Во второй ситуации ребёнок вербализует наиболее широкий репертуар, актуализируя четыре из восьми копинг-стратегий (ПСП, ПО, ПРП, К). В третьей ситуации ребёнок старается воззвать родителя к состраданию (ПСП) и защищаться нападая (К). Четвертая и пятая ситуации характеризуются проактивной позицией ребёнка в отношении работы с трудностью (ПРП), поддерживая отношения с родителем (ПСП).

Частота вербализации копинг-стратегий в группах женщин и мужчин представлена в табл. 4. При проверке данных при помощи критерия χ_r^2

[6] Здесь и далее: К = конфронтация, Д = дистанцирование, С = самоконтроль, ПСП = поиск социальной поддержки, ПО = принятие ответственности, БИ = бегство-избегание, ПРП = планирование решения проблемы, ПП = положительная переоценка.

Фридмана выявленные различия в значениях оказались статистически недостоверными. Таким образом, переменная «биологический пол ребёнка» не оказывает влияние на предпочтения ребёнка при вербализации копинг-стратегий.

Таблица 4

Влияние переменной «биологический пол» на выбор копинг-стратегий

Биологический пол испытуемых	Копинг-стратегии (доля случаев для всей выборки – в %)							
	К	Д	С	ПСП	ПО	БИ	ПРП	ПП
Женщины	32,5	13,75	0,63	46,88	23,75	11,88	37,5	4,38
Мужчины	30,34	15,17	0	46,21	24,14	4,83	37,93	4,83

Частота вербализации копинг-стратегий в группах испытуемых разного возраста представлена в табл. 5. При проверке данных при помощи критерия χ_r^2 Фридмана выявленные различия в значениях оказались статистически достоверными при $\rho < 0{,}01$. Таким образом, переменная «биологический возраст ребёнка» оказывает влияние на предпочтения ребёнка при вербализации копинг-стратегий.

Таблица 5

Влияние переменной «биологический возраст» на выбор копинг-стратегий

Биологический возраст испытуемых	Копинг-стратегии (доля случаев для всей выборки – в %)							
	К	Д	С	ПСП	ПО	БИ	ПРП	ПП
18-20 лет	25,33	**14,67**	0	*50,67*	**28**	10,67	*49,33*	5,33
21-25 лет	***38,79***	**15,76**	0,61	*50,3*	**26,67**	8,48	*39,39*	3,64
26-37 лет	***32***	**28**	0	*64*	**24**	16	*44*	16

Согласно полученным данным, в модельных ситуациях с возрастом в речевом поведении испытуемых увеличивается доля копинг-стратегии

«дистанцирование», уменьшается доля копинг-стратегии «принятие ответственности» (в табл. 5 отмечено полужирным шрифтом). Для всех групп испытуемых ведущей выступают копинг-стратегии «поиск социальной помощи» и «планирование решения проблемы» (отмечено курсивом). Испытуемые в возрасте 21-25 и 26-40 лет также актуализируют копинг-стратегию «конфронтация» (отмечено полужирным курсивом).

Частота вербализации копинг-стратегий в группах испытуемых разного пола и возраста в пяти модельных ситуациях представлена в табл. 6. При проверке данных при помощи критерия χ_r^2 Фридмана выявленные различия в значениях оказались статистически достоверными при $\rho < 0{,}01$. Таким образом, совокупность переменных «ситуация взаимодействия между ребёнком и родителем», «биологический пол ребёнка» и «биологический возраст ребёнка» оказывает влияние на предпочтения ребёнка при вербализации копинг-стратегий.

Таблица 6

Влияние переменных «ситуация», «биологический пол» и «биологический возраст» на выбор копинг-стратегий

Ситуация 1									
Биологический		Копинг-стратегии (доля случаев – в %)							
пол	возраст	К	Д	С	ПСП	ПО	БИ	ПРП	ПП
Ж	18-20	**30**	20	0	**50**	**50**	0	20	**40**
Ж	21-25	22,22	22,22	5,56	11,11	**66,67**	5,56	16,67	11,11
Ж	26-37	**100**	0	0	0	0	0	0	0
М	18-20	20	20	0	0	**100**	0	20	0
М	21-25	**46,67**	6,67	0	26,67	**73,33**	0	13,33	20
М	26-37	25	**50**	0	**50**	**75**	0	0	**100**
Ситуация 2									
Биологический		Копинг-стратегии (доля случаев – в %)							
пол	возраст	К	Д	С	ПСП	ПО	БИ	ПРП	ПП
Ж	18-20	**40**	10	0	**60**	**50**	0	**70**	0
Ж	21-25	**55,56**	27,78	0	**55,56**	**50**	5,56	27,78	0
Ж	26-37	0	**100**	0	0	0	0	**100**	0
М	18-20	0	1	0	2	4	0	2	0

М	21-25	**46,67**	**33,33**	0	**53,33**	**46,67**	0	**40**	0
М	26-37	0	25	0	**100**	**50**	25	**50**	0
Ситуация 3									
Биологический		Копинг-стратегии (доля случаев – в %)							
пол	возраст	К	Д	С	ПСП	ПО	БИ	ПРП	ПП
Ж	18-20	**60**	10	0	**80**	10	10	**40**	0
Ж	21-25	**44,44**	5,56	0	**55,56**	22,22	11,11	22,22	0
Ж	26-37	**100**	0	0	**100**	0	0	0	0
М	18-20	**40**	20	0	**80**	0	0	20	0
М	21-25	**66,67**	**33,33**	0	**73,33**	0	0	**33,33**	0
М	26-37	**75**	0	0	**75**	25	25	25	0
Ситуация 4									
Биологический		Копинг-стратегии (доля случаев – в %)							
пол	возраст	К	Д	С	ПСП	ПО	БИ	ПРП	ПП
Ж	18-20	10	20	0	**40**	10	30	**60**	0
Ж	21-25	27,78	5,56	0	**50**	5,56	22,22	**66,67**	5,56
Ж	26-37	0	**100**	0	0	0	0	0	0
М	18-20	0	0	0	**40**	0	20	**80**	0
М	21-25	13,33	13,33	0	**53,33**	0	13,33	**66,67**	0
М	26-37	**50**	25	0	**50**	0	25	**75**	0
Ситуация 5									
Биологический		Копинг-стратегии (доля случаев – в %)							
пол	возраст	К	Д	С	ПСП	ПО	БИ	ПРП	ПП
Ж	18-20	10	20	0	**50**	0	**30**	**60**	0
Ж	21-25	**33,33**	5,56	0	**61,11**	0	22,22	**50**	0
Ж	26-37	0	0	0	**100**	0	0	**100**	0
М	18-20	20	0	0	**40**	0	0	**80**	0
М	21-25	**33,33**	6,67	0	**66,67**	0	0	**60**	0
М	26-37	0	25	0	**75**	0	25	**75**	0

В табл. 7-9 представлены сопоставительные данные по вербализации копинг-стратегий в ситуациях с большей (ситуации 4 и 5) и меньшей (ситуации 1 и 2) автономией и самостоятельностью в действиях ребёнка – испытуемых женщин и мужчин разных возрастных групп.

При проверке данных при помощи критерия χ_r^2 Фридмана выявленные различия в значениях оказались статистически достоверными при $0{,}012 < \rho < 0{,}029$. Таким образом, в ситуациях с большей автономией

ребёнка более выражена вербализация копинг-стратегии «планирование решения проблемы» (табл. 7). В группе женщин эта тенденция ослабевает с возрастом. Значения переменной в группе мужчин выше, чем значения переменной в группе женщин. И в группе женщин, и в группе мужчин наибольшее значение переменной относится к возрасту 18-20 лет.

Таблица 7

Вербализация копинг-стратегии «планирование решения проблемы»

Биологический пол испытуемых	Биологический возраст испытуемых	Средняя доля по ситуациям 1 и 2 (в %)	Доля по ситуации 3 (в %)	Средняя доля по ситуациям 4 и 5 (в %)
Женщины	18-20	**45**	**40**	**60**
Женщины	21-25	22,23	22,2	**58,34**
Женщины	26-37	**50**	0	**50**
Мужчины	18-20	11	20	**80**
Мужчины	21-25	26,67	**33,3**	**63,34**
Мужчины	26-37	25	25	**75**

При проверке данных при помощи критерия χ_r^2 Фридмана выявленные различия в значениях оказались статистически достоверными при $0{,}0017 < \rho < 0{,}0055$. Таким образом, в ситуациях с меньшей автономией ребёнка более выражена вербализация копинг-стратегии «конфронтация» (табл. 8). В группе женщин эта тенденция усиливается с возрастом. Значения переменной в группе женщин выше, чем значения переменной в группе мужчин. В группе женщин наибольшее значение переменной относится к возрасту 26-37 лет, в группе мужчин – к возрасту 21-25 лет. Интересно, что и для группы женщин, и для группы мужчин наибольшие значения исследуемой переменной представлены по отношению к ситуации 3, в которой использование ребёнком речевых жанров конфликтного типа относится к защите сферы своего досуга.

Таблица 8

Вербализация копинг-стратегии «конфронтация»

Биологический пол испытуемых	Биологический возраст испытуемых	Средняя доля по ситуациям 1 и 2 (в %)	Доля по ситуации 3 (в %)	Средняя доля по ситуациям 4 и 5 (в %)
Женщины	18-20	**35**	**60**	10
Женщины	21-25	**38,9**	**44,4**	**30,56**
Женщины	26-37	**50**	**100**	0
Мужчины	18-20	10	**40**	10
Мужчины	21-25	**46,7**	**66,7**	23,33
Мужчины	26-37	12,5	**75**	25

При проверке данных при помощи критерия χ_r^2 Фридмана выявленные различия в значениях оказались статистически недостоверными. Таким образом, по применению копинг-стратегий «дистанцирование» и «бегство-избегание» ситуации с меньшей автономией не отличаются от ситуаций с большей автономией ребёнка (Табл. 9).

Таблица 9

Вербализация копинг-стратегий «дистанцирование» и «бегство-избегание»

Биологический пол испытуемых	Биологический возраст испытуемых	Дистанцирование			Бегство-избегание		
		Средняя доля по ситуациям 1 и 2 (в %)	Доля по ситуации 3 (в %)	Средняя доля по ситуациям 4 и 5 (в %)	Средняя доля по ситуациям 1 и 2 (в %)	Доля по ситуации 3 (в %)	Средняя доля по ситуациям 4 и 5 (в %)
Ж	18-20	15	10	20	0	10	**30**
Ж	21-25	25	5,56	5,56	5,6	11,1	22,2
Ж	26-37	**50**	0	**50**	0	0	0
М	18-20	10,5	20	0	0	0	10
М	21-25	20	**33,3**	10	0	0	6,67
М	26-37	**37,5**	0	25	13	25	25

Заключение

В результате проведенного экспериментального исследования соотнесения речевого поведения ребёнка в ответ на деструктивное речевое поведение родителя с описанием копинг-стратегий был выявлен ряд тенденций, говорящих в подтверждение некоторых из выдвинутых гипотез.

Так, подтвердилась гипотеза о том, что в речевом репертуаре испытуемых, выступающих в социальной роли «ребёнок», в предлагаемых ситуациях деструктивного речевого поведения родителя по отношению к ребёнку преобладают копинг-стратегии, ориентированные на взаимодействие с родителем (поиск социальной поддержки, принятие ответственности). При этом копинг-стратегия «поиск социальной поддержки» является наиболее выраженной в речевом поведении ребёнка во всех предложенных ситуациях взаимодействия с родителем, в то время как копинг-стратегия «принятие ответственности» – лишь четвертой по степени выраженности. По результатам исследования следует дополнить, что в ответ на деструктивное речевое поведение родителя в модельных ситуациях ребёнок активно вербализует копинг-стратегии «планирование решения проблемы» (вторая по степени выраженности копинг-стратегия) и «конфронтация» (третья по степени выраженности), что свидетельствует о проактивной позиции ребёнка и стремлении защитить себя, т.е. указывает на освоение навыков, позволяющих сохранить свое эмоционально-психологическое здоровье и справиться с трудной ситуацией.

Отметим, что были получены лишь единичные вербализации копинг-стратегий «самоконтроль» и «положительная переоценка». Первая копинг-стратегия, по нашему мнению, может вербализоваться в эгоцентрической речи, направленной на себя самого, и редко экстернализуется. Вторая

копинг-стратегия характерна для рефлексивного уровня осмысления, в то время как экспериментальные условия, как нам представляется, соответствуют уровню моментального реагирования: в таких условиях вербализация рефлексии будет свидетельствовать о высоких когнитивных навыках субъекта.

На общей выборке без деления на ситуации подтвердилось предположение о том, что биологический пол испытуемого (выступающего в заданных условиях в роли ребёнка) не влияет на вербализацию копинг-стратегий. При этом биологический пол испытуемого в совокупности с другими независимыми переменными влияет на вербализацию копинг-стратегий (см. табл. 6). Например, в ситуации 1 при вербализации копинг-стратегии «конфронтация» наблюдаются противоположные тенденции в группах женщин и мужчин: у женщин наибольшие значения переменной выявлены в возрасте 18-20 и 26-37 лет, а у мужчин в возрасте 21-25 лет. В ситуации 1 и в ситуации 2 в группе женщин с возрастом снижается значение показателя вербализации копинг-стратегии «поиск социальной поддержки», в группе мужчин – повышается. В ситуации 5 в группе женщин с возрастом снижается значение показателя вербализации копинг-стратегии «дистанцирование», в группе мужчин – повышается.

Не подтвердилась гипотеза о том, что биологический возраст не влияет на вербализацию копинг-стратегий в пяти предложенных ситуациях. Напротив, мы выявили, что с возрастом в речевом поведении ребёнка наблюдается тенденция к увеличению доли вербализации копинг-стратегии «дистанцирование» и уменьшению доли вербализации копинг-стратегии «принятие ответственности». По нашему мнению, это свидетельствует о том, что с возрастом для испытуемых предложенные экспериментальные ситуации становятся не столь значимыми, поэтому они не «принимают их близко к сердцу».

Подтвердилась гипотеза о большей выраженности в речевом поведении испытуемых копинг-стратегии «планирование решения проблемы» в ситуациях, предполагающих больше автономии и самостоятельности в действиях ребёнка; и гипотеза о большей выраженности в речевом поведении испытуемых копинг-стратегии «конфронтация» в ситуациях, в которых автономия ребёнка ограничивается. При этом не подтвердилась гипотеза о большей выраженности копинг-стратегий «дистанцирование», «бегство-избегание» в ситуациях с ограничением автономии ребёнка.

Отметим, что выявленные тенденции не следует экстраполировать на группы испытуемых с отличными демографическими показателями и на другие ситуации взаимодействия родителя с ребёнком. Ограничением проведенного исследования также является отсутствие данных о типичных реакциях испытуемых в ситуациях стресса, фрустрации и конфликта. По нашему мнению, в дизайн последующих исследований следует включить тестирование на определение предпочитаемых испытуемым копинг-стратегий, типа реагирования на трудные ситуации, оценки поведения родителя, а также уточнить описания модельных ситуаций через параметры этих тестов.

Литература

1. *Аноприенко Е.В.* Стиль родительского поведения как фактор хронического стресса у подростков // Альманах современной науки и образования. 2014. – № 10 (88). – С. 13-18.

2. *Дружинина Ю.А.* Особенности совладающего поведения в подростковом возрасте // Омский научный вестник. – 2012. – № 5 (112). – С. 172–176.

3. *Иванова О.И., Бусарова О.Р.* Взаимосвязь детско-родительских отношений и совладающего поведения старших подростков из разных

типов семей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. – № 2. – С. 96-110. – DOI: 10.18384/2310-7235-2021-2-96-110.

4. *Комалова Л.Р.* Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии. Москва: Спутник +, 2020. – 275 с.

5. *Комалова Л.Р.* Репертуар вербальной реализации ответной агрессии в ситуации статусно-ролевой асимметрии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. – № 9 (695). – С. 104-116.

6. *Кон И.С.* Психология ранней юности. – Москва: Просвещение, 1989. – 256 с.

7. *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения. – Кострома, 2004. – 473 с.

8. *Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В.* Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. – 2007. – № 3. – С. 93-112.

9. *Лазарус Р.* Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс. Ленинград: Лениздат, – 1970. – С. 178-208.

10. *Мамедова А.А.* Взаимосвязь детско-родительских отношений с совладающим поведением подростков // Перспективные исследования и разработки. Новый взгляд. Новосибирск, 2018. – С. 28-37.

11. *Нартова-Бочавер С.К.* «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. –№ 18 (5). – С. 20-30.

12. *Никольская И.М., Грановская Р.М.* Психологическая защита у детей. Санкт-Петербург: Речь, 2006. – 352 с.

13. *Овсяникова Е.А., Ткаченко Н.С.* Влияние детско-родительских отношений на выбор подростками копинг-стратений // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. – № 26 (197). – С. 162-168.

14. *Сидоренко Е.В.* Методы математической обработки в психологии. Санкт-Петербург: Социально-психологический центр, 1996. – 352 с.

15. *Станибула С.А.* Копинг-стратегии: развитие в онтогенезе // Развитие личности. – 2017. – № 3. – С. 195–204.

16. *Чернов Д.Н., Подолян С.М.* Совместное проживание с родителями и формирвоание совладающего поведения в юношеском возрасте // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 9-2 (111). – С. 108-112.

17. *Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М.* Семейный диагноз и семейная психотерапия. Санкт-Петербург: Речь, 2007. – 352 с.

18. *Borecka-Biernat D.* Adolescents in the face of a social conflict situation. The analysis of determinants of destructive coping strategies // Przegląd Badań Edukacyjnych. 2018. – Vol. 2. – No. 27. – P. 5-31. – DOI: https://doi.org/10.12775/PBE.2018.014

19. *Coiro M.J., Bettis A.H., Compas B.E.* College students coping with interpersonal stress: examining a control-based model of coping // Journal of American College Health. – 2017. – Vol. 65. – No. 3. – P. 177-186. – DOI: 10.1080/07448481.2016.1266641

References

1. *Anoprienko E.V.* Parental behaviour style as factor of chronic stress of adolescents. Almanac of Modern Science and Education. – 10(88). – S. 13-18.

2. *Druzhinina Yu.A.* The peculiarities of coping behavior in adolescents. Omsk Scientific Bulletin, – 5(112), – S. 172-176.

3. *Ivanova O.I., Busarova O.R.* The interrelation of child-parent relations and coping strategies of older adolescents from different types of families. Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology, 2, – 96-110. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-2-96-110.

4. *Komalova L.R.* Aggressogen discourse: the multilingual aggression verbalization typology [Aggressogennyj diskurs: Tipologiya mul'tilingval'noj verbalizatsii agressii]. Sputnik+. – Moscow. – 275 p.

5. *Komalova L.R.* Repertory of verbal realization of reciprocal aggression in situations of status-role asymmetry [Repertuar verba;noj realizatsii otvetnoj agressii v situatsiyakh statusno-rolevoj asimmetrii]. http://www.linguanet.ru/science/publishing/Vestniki-2014/Vestnik9-2014.pdf.

6. *Kon I.S.* Psihologija rannej junosti. – Moscow: Prosveshhenie. – 256 p.

7. *Kryukova T.L.* Psihologija sovladajushhego povedenija. – Kostroma. – 473 p.

8. *Kryukova T.L., Kuftyak E.V.* Oprosnik sposobov sovladanija (adaptacija metodiki WCQ). Zhurnal prakticheskogo psihologa. – №3. – S. 93-112.

9. *Lasarus R.* Teorija stressa i psihofiziologicheskie issledovanija. In: *Emotsionalny stress*. – Leningrad: Lenizdat. – P. 178-208.

10. *Mamedova A.A.* Vzaimosvyaz detsko-roditelskikh otnosheny s sovladayushchim povedeniem podrostkov. In: Perspektivnye issledovaniya i razrabotki. Novyj vzglyad (pp. 28-37). Novosibirsk.

11. *Nartova-Bochaver S.K.* "Coping behavior" v sisteme ponyatij psihologii lichnosti. Psihologichesky Zhurnal. №18(5). P. 20-30.

12. *Nikolskaya I.M., Granovskaya R.M.* Psihologicheskaya zashchita u detej. Saint-Petersburg: Rech. – 352 p.

13. *Ovsyanikova E.A., Tkachenko N.S.* Influence of parent's attitude on teenager's choice of coping- strategy. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, 26(197), 162-168.

14. *Sidorenko E.V.* Metody matematicheskoj obrabotki v psikhologii. – Saint-Petersburg: Sotsialno-psikhologichesky tsentr. – 352 p.

15. *Stanibula S.A.* Coping strategies: development in ontogenesis. Development of Personality. – №23. – P. 195-204.

16. *Chernov D.N., Podolyan S.M.* Living with parents and the formation of coping behavior in adolescence. International Research Journal. – №9-2(111), – 108-112.

17. *Eydemiller E.G., Dobryakov I.V., Nikolskaya I.M*. Semejny diagnoz i semejnaya psikhoterapiya. Saint-Petersburg: Rech. – 352 p.

18. *Borecka-Biernat D.* Adolescents in the face of a social conflict situation. The analysis of determinants of destructive coping strategies. Przegląd Badań Edukacyjnych, – №2(27), – S. 5-31. – DOI: https://doi.org/10.12775/PBE.2018.014

19. *Coiro M.J., Bettis A.H., Compas B.E.* College students coping with interpersonal stress: examining a control-based model of coping. *Journal of American College Health*. – № 65(3), – S. 177-186. – DOI: 10.1080/07448481.2016.1266641

5.9.8
УДК 81'23

М.И. Ксенз
Средняя общеобразовательная школа №12
346884, Тельмана, 154
Батайск, Россия
mksenz@sfedu.ru

О.Е. Ломова
Южный федеральный университет
344006, пер. Университетский, 93
Ростов-на-Дону, Россия
oelomova@sfedu.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвистических особенностей речевого поведения немецко- и русскоговорящих детей старшего дошкольного возраста (5-7 лет), заданного конкретной ситуацией речевого общения. Характер речевого поведения обусловил материал исследования – эпизоды из телевизионных передач «Dingsda: Müller», «Dingsda», «Устами младенца», видео аналогичного формата («Дети пробуют угадать вещи времен СССР», «Старые вещи и современные дети»). Детская речь исследуется и сопоставляется в аспектах: лексика, словообразование, грамматика и фонетические особенности речи, свойственные данной возрастной группе. Черты сходства выявлены преимущественно на фонетическом уровне, различия – в словообразовании и грамматике. Сходства в области фонетики объясняются универсальными процессами, характерными для многих языков, например, порядком усвоения согласных. К лексическим особенностям речи детей относится использование номинаций типичных явлений, объясняемое как влиянием социума (массовая культуры, современные реалии), так и возрастного этапа (оценочная лексика) и конкретной речевой ситуации (слова, выражающие сомнение и неуверенность). В процессах словообразования обнаружены различия; так, для немецкоязычного ребенка самым продуктивным способом стало словообразование путем словосложения, а для русскоязычного ребенка – суффиксальный способ, что нашло отражение и в более частом использовании русскоязычными детьми диминутивов. Различия в грамматике объясняются типами языков, к которым относятся немецкий и русский языки. Аналитический немецкий придает большое внимание порядку слов в предложении, а для синтетического русского языка отношения между словами выражаются через слово- и формообразующие морфемы.

Ключевые слова: детская речь, онтолингвистика (лингвистика детской речи), психолингвистика, речевое поведение, возрастные особенности речи, речь старшего дошкольника.

M. Ksenz
O. Lomova

LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF SPEECH BEHAVIOR OF MODERN GERMAN- AND RUSSIAN-SPEAKING CHILDREN OF SENIOR PRESCHOOL AGE

Abstract. The article is devoted to the study of linguistic features of speech behavior of German- and Russian-speaking children of senior preschool age (5-7 years), given a specific situation of speech communication. The nature of speech behavior determined the research material – episodes from the television programs «Dingsda: Müller», «Dingsda», «Out of the mouth of babes», videos of a similar format («Children try to guess things from the USSR», «Old things and modern children»). Children's speech is studied and compared in the following aspects: vocabulary, word formation, grammar and phonetic features of speech peculiar to this age group. Similarities were revealed mainly at the phonetic level, differences – in word formation and grammar. Similarities in the field of phonetics are explained by universal processes characteristic of many languages, for example, the order of assimilation of consonants. The lexical features of children's speech include the use of nominations of typical phenomena, explained both by the influence of society (mass culture, modern realities), and the age stage (evaluative vocabulary) and a specific speech situation (words expressing doubt and uncertainty). Differences were found in the processes of word formation; for example, for a German–speaking child, word formation by word composition became the most productive way, and for a Russian-speaking child, the suffix method, which was reflected in the more frequent use of diminutives by Russian-speaking children. The differences in grammar are explained by the types of languages that German and Russian belong to. Analytical German pays great attention to the order of words in a sentence, and for synthetic Russian, the relations between words are expressed through word- and formative morphemes.

Keywords: children's speech, ontolinguistics (linguistics of children's speech), psycholinguistics, speech behavior, age features of speech, speech of an older preschooler.

Введение

Каждый временной отрезок истории по-своему уникален, и время, в котором мы живем сейчас, не исключение. Примечательней всего являются, конечно, современные темпы развития, охватывающие как технологии, так и повседневную жизнь человека. Время становится ценным ресурсом, и в круг интересов людей попадает всё, что позволяет сокращать сроки

ожидания результата, будь то быстрый транспорт или глобальная сеть с высокой скоростью доступа.

Современные темпы развития общества влияют и на детское образование; родители стремятся дать своим детям как можно больше базовых знаний в раннем возрасте. По их задумке, чем быстрее дети узнают основы, тем быстрее смогут шагнуть в будущее. Так, знания, рассчитанные на более поздний возраст, вводятся раньше, в дошкольном и преддошкольном возрасте. Это, впрочем, приносит больше вреда, чем пользы: намеренное вмешательство вредит постепенному развитию структур мозга ребенка, что ведет к последующим проблемам с чтением и осознанностью материала, трудностями с произношением и путанице в словах. А ведь именно речь «оказывает определённое влияние на умственное развитие ребёнка, включаясь в процесс формирования его мышления. …Формулировка мысли в слове приводит к тому, что ребёнок в результате лучше понимает, чем понимал до словесной формулировки своей мысли: *формулируясь, мысль формируется*» [10, с. 480]. Зачастую, именно по уровню развития речи можно судить о готовности ребенка к обучению, о его когнитивной зрелости. На этом фоне растет *актуальность* онтолингвистики, ведь, отслеживая общие пути развития речи, данная наука предлагает информацию о важности ступенчатого формирования речевых способностей ребенка.

Лингвистика детской речи как наука появилась в конце XIX века, и характеризовалась тремя этапами изучения детской речи на Западе. *Периоду дневниковых записей* (1876-1926) свойственна систематическая фиксация наблюдений (У. и К. Стерн) [22]. *Период кросс-секционных исследований* (1926-1957) отмечен сопоставлением образцов детской речи (Х. Идельбергер, Э. Мейманн, Ж. Пиаже, В. Прайер) [9]. А развитие звуко- и

видеозаписи дали новый толчок в развитии лонгитюдных исследований (1957 – по настоящее время) (Р. Айбауэр, Ф. Кайнц, Х. Хорнштайн).

В России первые исследования детской речи относились к концу XIX века, и с ними связано, например, имя И.А. Сикорского. Он рассматривал особенности детского сознания с целью развития педагогики и указывал на необходимость глубокого изучения детей с нарушением артикуляции и отклонениями в развитии [12]. В первое время в истории отечественной лингвистики данная наука не получила широкого развития и характеризовалась отдельными работами, например, А.Н. Гвоздева или Н.А. Рыбникова [4; 2].

В конце XX века интерес к лингвистике детской речи возобновился. Сложилось два подхода, психологический (изучается теория освоения языка и патологии развития детской речи) и лингвистический (для которого характерны попытки описать детскую речь), используемый в данном исследовании.

Изучению многих аспектов детской речи в последние годы большим подспорьем выступают технические средства, достигшие высокого уровня развития. На современном этапе интерес для ученых представляет прагмалингвистический аспект детской речи [7], изучение речевых актов детей дошкольного возраста, а также социальный аспект речи, который долгое время игнорировался в пользу психолингвистики (О.В. Акулова, Н.В. Дроздова, В.Н. Селиверстова и др.). Продолжают исследоваться вопросы лингвокреативности детской языковой личности (Г.Р. Доброва, А.И. Мельникова; О.А. Михайлова; Н.А. Соломка) [8; 13], особенности процесса овладения речевой способностью детьми с ограниченными возможностями здоровья (С.В. Андреева; А.Ю. Гусева; И.Б. Карелина; В.В. Кисова, Е.А. Семенова; Е.С. Титлянова, Е.В. Хмелькова) [15] и др. Среди важных центров исследования детской речи можно назвать кафедру

детской речи РГПУ в Санкт-Петербурге (1991-2011), возглавлявшуюся С.Н. Цейтлин, институт языкознания РАН, Пермскую школу «детской лексикологии» под руководством И.Г. Овчинниковой, Воронежскую школу «возрастной лингвистики» И.А. Стернина.

Онтолингвистика, как раздел лингвистики, изучающий детскую речь, оформилась в России в конце прошлого века благодаря разработкам Л.И. Гараевой, А.Г. Тамбовцевой, С.Н. Цейтлин, А.М. Шахнаровича, Н.М. Юрьевой [3; 14; 16; 17, с. 63; 18; 19; 21]. Данная наука базируется на исследованиях лингвистики детской речи. Это сравнительно молодая наука, так что границы её исследований ещё довольно расплывчаты и пересекаются со многими другими научными дисциплинами: психологией, философией, социологией и медициной. Также явно прослеживается связь онтолингвистики с психолингвистикой и педагогикой.

Методология

Значительный период времени после своего становления и обособления, онтолингвистика обращала свое внимание в основном на общие закономерности развития речи ребенка, выявляла универсальные черты, отличающие детскую речь от речи взрослого человека. Данное направление все еще считается актуальным и не утратившим своего значения. Тем не менее, в последнее время интерес исследователей привлекает и вопрос разделения особенностей детской речи на те, что присущи всем детям, и те, что отличают лишь определенных детей, или группы детей. Данные группы выделяются на основе пола, возраста, социального статуса и так далее.

В нашем исследовании такой референтной группой являются дети старшего дошкольного возраста в возрасте от 5 до 7 лет.

Существует большое количество периодизаций, но периодизация, основанная на этапах воспитания ребенка, представляется нам наиболее исчерпывающей, так как непосредственно связана с процессами детского развития. За основу нами была взята периодизация Д.Б. Эльконина [20], базирующаяся на периодизации возрастного развития Л.С. Выготского. В соответствии с ней старший дошкольный возраст – это подпериод дошкольного возраста, для которого характерно освоение базовых правил грамматического строя, формирование правильного произношения и увеличение словарного запаса ребенка до 3500-4000 тыс. слов.

Целью исследования стало выявление особенностей речевого поведения современных немецко- и русскоязычных детей в конкретных речевых ситуациях, обусловленных форматом анализируемых телепередач.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым решение следующих *задач*: проанализировать историю возникновения лингвистики детской речи в Европе и на территории России и рассмотреть существующие подходы к изучению детской речи; определить границы этапа старшего дошкольного возраста; проанализировать собранный эмпирический материал исследования с целью выявления лексических, фонетических и грамматических особенностей речевого поведения немецкоязычного и русскоязычного ребенка старшего дошкольного возраста и провести сравнительно-сопоставительный анализ полученных данных, чтобы выявить сходства и различия в речевом поведении немецкоязычных и русскоязычных детей исследуемого возраста.

Материалом для исследования послужили эпизоды немецких телевизионных передач «Dingsda» (2018 г.) и «Dingsda: Müller» (2021-22 гг.), эпизоды русскоязычной передачи «Устами младенца» (2022 г.), а также ряд видео схожей тематики («Дети пробуют угадать вещи времен СССР» (2017

г.), «Старые вещи и современные дети» (2017 г.)), объемом 68 и 88 минут соответственно, опубликованных на платформе Youtube.

Критериями отбора материала послужили приближенный формат передач, одинаковый возраст участников и современность материала.

В данной работе использовались следующие *методы* исследования: наблюдение (данный метод понадобился для выявления и сбора материала, представляющего интерес для исследования), гипотетико-индуктивный метод (позволил использовать представленный языковой материал для подтверждения выводов более ранних лингвистических исследований), описательный метод (применялся для изложения отдельных понятий детской языковой системы).

Результаты

Анализ речевого поведения проводился по четырем аспектам: особенности лексики и словообразования в речевом поведении детей старшего дошкольного возраста, в также грамматические и фонетические особенности речи.

Стоит отметить, что объяснительная речь, которую вынуждены применять дети, относится к самым сложным формам речи в дошкольном возрасте, ведь она требует от ребенка развития мышления и отражения причинно-следственных связей.

Словарный запас в этот период отличается заметно расширившимся содержанием, по сравнению с предыдущими ступенями развития речи. В него включается также абстрактная лексика, а смысл многих слов подвергается переоценке и воспринимается глубже, чем прежде. Тем не менее, при описании неизвестных предметов или явлений дети опираются на базовую лексику, усвоенную ими на более ранних этапах, в качестве

замены более сложных понятий. При описании неизвестных предметов или явлений дети опираются знания, усвоенные из ближайшего окружения, прибегают к использованию современных реалий.

Eine große ***CD*** (DINGSDA Folge 6, 1:21), ассоциация при виде виниловой пластинки.

Я думаю, что это ***колесо Citroën*** (Старые вещи и современные дети, 0:31), ассоциация при виде диска здоровья.

«Языковой мир ребёнка в современном мире формируется под влиянием средств массовой информации, а именно, телевидения, фильмов, компьютерных игр и художественной литературы. Их культура составляет важную часть языкового сознания ребенка и важную базу для его фоновых знаний» [1, с. 23; 11]. Так, дети используют в речевом общении имена, цитаты из текстов художественной литературы, из мультфильмов и фильмов, из детского фольклора.

Das ist ein ***Pokus-Pokus-Fidibus*** (DINGSDA Folge 5, 0:04).

Ну, вот, например, как у ***Дим-Димыча*** (Устами младенца, 24.07.2022, 30.05).

Применяются слова со значением вероятности, что объясняется тематической направленностью речевой ситуации и сравнительно небольшим словарным запасом ребенка.

Vielleicht *muss man das auch rollen?* (DINGSDA Folge 7, 2:31).

Может*, это раньше был спиннер?* (Старые вещи и современные дети, 0:30).

Использование суперлативов и гиперболы также является типичным для речи ребенка старшего дошкольного возраста. Данные слова также связаны с оценочным отношением ребенка к миру и придают речи экспрессивный оттенок. Использованием тавтологических средств и простейших усилительных частиц также подчеркивается экспрессивный

характер речи. Оценочные слова играют большую роль на данном этапе развития детского самосознания, когда дети начинают сравнивать себя с окружающими [6].

Von Make-up und so bin ich nicht der ***Schlaumeier*** (DINGSDA Folge 1, 0:01).

А Тася ***лучше меня*** *прям делает, она лучше меня скачет на скакалке* (Устами младенца, 3.07.2022, 24:22).

Важную роль играет проявление детского словотворчества. Данная особенность развития детской речи основана на игре со звуками, экспериментами с грамматическими конструкциями, в процессе которых дети анализируют речь взрослых и на основе полученных знаний пытаются постичь логику языка и выявить закономерности его строения [5, с. 1413]. Для морфологической системы немецкого языка характерно словообразование путем сложения, что не свойственно русскому языку, где встречаются аффиксальный способ и словообразование путем удвоения и перестановки слогов.

Handyhülletütedingsbumb (DINGSDA Folge 4, 0.01 сек.).

Какой-то ***ломатель*** (Старые вещи и современные дети, 2:30).

Мумимимий.. мимимумий (Устами младенца, 24.07.2022, 13:06).

Для грамматики в данный возрастной период характерно стремление к усложнению грамматического строя предложения, например, использование конструкции *um..zu* или союза *damit* для немецкого языка и союза *чтобы* для русского языка. По характеру высказывания предложения, по большей части, утвердительные, а при описании предметов или явлений преобладают неопределенно-личные предложения.

Усложнение предложений приводит, например, к нарушению рамочной конструкции и ошибкам в построении предложений с

отделяемыми приставками. У русскоязычных детей трудности вызывает согласование и выбор глагольных форм.

*Ich hab das **gesehen** zu Hause* (DINGSDA Folge 5, 0:25).

*Das **sieht** kompliziert...Was ist das?* (DINGSDA Folge 1, 0:44).

*Это можно сделать на словах и подойти, там, к человеку, **который** ты хочешь* (Устами младенца, 24.07.2022, 34.08).

*Как их **скласть**?* (Дети пробуют угадать вещи времен СССР, 2:05).

Для фонетической стороны речи характерна нечеткая артикуляция и плохо развитое речевое дыхание, что снижает возможность понимания детей. Речь ребенка экспрессивна и выразительна, в ней много дополнительных элементов, звукоподражательных слов, частиц и междометий *(ja, nein» / nö / nee, so, nicht – вот, всё, это, даже), (ach, ach so, ah – ой, э-э, ну, эй, алё, хм).* Широкое использование междометий в детской речи связано с чуткостью ребенка к звуковой форме, эмоциональностью и импульсивностью, со стремлением к заполнению пустот в момент речи. Наиболее широко представлены междометия, связанные со сферой эмоциональных проявлений (удивление, радость, жалоба).

Тем не менее, фонетическая система ребенка всё еще не безупречна. В немецком языке трудности вызывают взрывной губной [b] и дрожащий язычный [r]:

[b]: *glaube – glau-e;* [r]: *abrasieren – ab-asie-en.*

В русском языке это взрывной язычный [т'], язычные дрожащий [р] и фрикативные [з], [ш'].

[т'], [р]: *работать – лаботачь;* [з]: *глаза – глава:* [ш']: *по-настоящему – по-настоясему.*

ВЫВОДЫ.

Таким образом, проанализированный материал, отражающий особенности речевого поведения немецко- и русскоязычного ребенка в

конкретной речевой ситуации в разделах лексики, грамматики и фонетики, позволил выявить черты сходства преимущественно в разделе фонетики, а различия – в грамматике.

Лексика, по большей части, отражает типичные явления в языке, объясняемые влиянием как социума (массовая культуры, современные реалии), так возрастного этапа (оценочность) и конкретной заданной речевой ситуации (слова, выражающие сомнения и неуверенность). Тем не менее, наблюдаются различия в процессах словообразования, где для немецкоязычного ребенка самым продуктивным способом становится словообразование путем сложения, а для русскоязычного ребенка – суффиксальный способ.

Отличия в грамматике объясняются разными типами языков, где аналитический немецкий придает большое внимание порядку слов в предложении, а для синтетического русского языка отношения между словами выражаются через слово- и формообразующие морфемы.

Сходства в развитии фонетики объясняются универсальными процессами, характерными для многих языков, например, порядок усвоения согласных.

Таким образом, можно заключить, что детская речь – это совокупность особенностей речи, характеризуемых продолжающимся процессом изучения ребенком языковых конструкций для выражения своих мыслей и чувств. Особенность данного этапа освоения речи состоит в наличии общих правил формирования разделов языка, однако нельзя отрицать и тот факт, что разные языки имеют и свои отличительные особенности, свойственные данному этапу.

Споры относительно статуса лингвистики детской речи и границ её интересов ещё продолжаются. Один из таких вопросов, например, касается особенностей формирования речи детей-билингвов, в частности, находится

ли данная тема в принципе в зоне ответственности онтолингвистики; другой вопрос касается изучения социокультурной среды развития ребенка. Необычайная вариативность тематик и путей изучения речи требуют сотрудничества множества наук. Только так, по мнению ученых, станет возможно исчерпать все вопросы данного раздела.

Своеобразие детской речи предлагает материал для исследований уже больше века. Тем не менее, многие разделы данной дисциплины все ещё требуют к себе внимания. В данной работе была проведена попытка проанализировать и сопоставить особенности языка детей старшего дошкольного возраста в немецкоязычной и русскоязычной среде, что только недавно привлекли внимание ученых.

Таким образом, есть все основания утверждать, что онтолингвистика, располагая большим материалом исследования и широкими возможностями для изучения, еще долгое время будет находиться в зоне интереса ученых, как в нашей стране, так и за рубежом.

Литература

1. *Амзаракова И.П.* Языковой мир немецкого ребенка младшего школьного возраста: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.04 / Моск. пед. гос. ун-т. Москва, 2005. 44 с.

2. *Безрогов В.Г.* Проект Н.А. Рыбникова «История русского ребенка» // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 15 (58). С 32-37.

3. *Гараева Л.И.* Психолингвистический анализ семантической структуры производного слова: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. – Москва, 1987. 179 с.

4. *Гвоздев А.Н.* Вопросы изучения детской речи. М.: Изд-во АПН СССР, 1961. 471 с.

5. *Никулина Т.Г.* Понятие «речетворческая деятельность» в современной научно-методической литературе // Известия самарского научного центра российской академии наук. 2012. № 2 (6). С. 1412-1415.

6. *Лебеденко Г.А.* К вопросу изучения детской речи в России и Германии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2-2 (56). С. 104-108.

7. *Лебеденко Г.А.* Обращение в речи немецкого ребенка младшего школьного возраста: прагмалингвистический аспект: автореферат дис. канд. филол. наук. Пятигорск, 2018. 26 с.

8. *Михайлова О.А.* Новообразования в детской речи как отражение грамматических закономерностей // Педагогическое образование в России. 2015. № 3. С. 104-107.

9. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка [Электронный ресурс]. URL: http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?bookhl=&book=piazhe_rech-myshlenie-rebenka_1994 (дата обращения: 15.03.23).

10. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Издательство: Питер, 2002. 720 с.

11. *Румянцева И.М.* О широком понятии онтогенеза речи и его значении для прикладных наук // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2018. № 189. С. 22-28.

12. *Сикорский И.А.* Душа ребенка: Этапы интеллектуального и речевого развития детей, их нарушения и методы преодоления. М: АСТ, 2009. 153 с.

13. *Соломка Н.А.* Лингвокреативная деятельность как особая форма языкового мышления // Новая наука: современное состояние и пути развития. 2016. № 12 (5). С. 165-168.

14. *Тамбовцева А.Г.* Формирование способов словообразования у детей дошкольного возраста в детском саду: дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01. Москва, 1983. 199 с.

15. *Титлянова Е.С. Хмелькова Е.В.* Особенности нарушения звукопроизношения у детей дошкольного возраста с фонетико-фонематическим недоразвитием // Вестник шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (50). С. 175-178.

16. *Цейтлин С.Н.* Направления и аспекты изучения детской речи // Детская речь как предмет лингвистического исследования. СПб.: Наука, 2004. С. 119-122.

17. *Цейтлин С.Н.* Лингвистика детской речи как инновационная научная и учебная дисциплина // Universum: Вестник Герценовского университета. 2006. № 9 (35). С. 63-65.

18. *Цейтлин С.Н.* Онтолингвистика в пути // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2018. № 18. С. 12-22.

19. *Шахнарович А.М.* Детская речь в зеркале психолингвистики: Лексика. Семантика. Грамматика / А.М. Шахнарович; Рос. Акад. наук. Ин-т языкознания. М.: Ин-т языкознания РАН, 1999. 165 с.

20. *Эльконин Д.Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2004. № 1. С. 68-77.

21. *Юрьева Н.М.* Проблемы речевого онтогенеза: производное слово диалог: экспериментальные исследования / Н.М. Юрьева; Российская акад. наук, Ин-т языкознания. – Москва: Акад. гуманитарных исслед., 2006. 487 с.

22. *Stern K, Stern W.* Die Kindersprache [Электронныйресурс]. URL: https://archive.org/details/diekindersprach00stergoog/page/n6/mode/1up (дата обращения: 14.02.23).

References

1. *Amzarakova I.P.* Yazy`kovoj mir nemeczkogo rebenka mladshego shkol`nogo vozrasta: avtoreferatdis. ... doktorafilologicheskixnauk: 10.02.04 / Mosk. ped. gos. un-t. Moskva, 2005. 44 s.

2. *Bezrogov V.G.* Proekt N.A. Rybnikova «Istoriyarusskogorebenka» // VestnikRGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie. 2010. № 15 (58). S 32-37.

3. *Garaeva L.I.* Psixolingvisticheskij analiz semanticheskoj struktury` proizvodnogo slova: dis. ... kandidata filologicheskix nauk: 10.02.19. Moskva, 1987. 179 s.

4. *Gvozdev A.N.* Voprosy izucheniya detskoj rechi. M.: Izd-vo APN SSSR, 1961. 471 s.

5. *Nikulina T.G.* Ponyatie «rechetvorcheskaya deyatel'nost'» v sovremennoj nauchno-metodicheskoj literature // Izvestiya samarskogo nauchnogo tsentra rossijskoj akademii nauk. 2012. № 2 (6). S. 1412-1415.

6. *Lebedenko G.A.* K voprosu izucheniya detskoj rechi v Rossii i Germanii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 2-2 (56). S. 104-108.

7. *Lebedenko G.A.* Obrashhenie v rechi nemetskogo rebenka mladshego shkol'nogo vozrasta: pragmalingvisticheskij aspekt: avtoreferat dis. kand. filol. nauk. Pyatigorsk, 2018. 26 s.

8. *Mikhajlova O.A.* Novoobrazovaniya v detskoj rechi kak otrazhenie grammaticheskikh zakonomernostej // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2015. № 3. S. 104-107.

9. *Piazhe Zh.* Rech' i myshlenie rebenka [Elektronnyj resurs]. URL: http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?bookhl=&book=piazhe_rech-myshlenie-rebenka_1994 (data obrashcheniya: 15.03.23).

10. *Rubinshtejn S.L.* Osnovy obshhej psikhologii. Izdatel'stvo: Piter, 2002. 720 s.

11. *Rumyantseva I.M.* O shirokom ponyatii ontogeneza rechi i ego znachenii dlya prikladnykh nauk // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2018. № 189. S. 22-28.

12. *Sikorskij I.A.* Dusha rebenka: E`tapy` intellektual`nogo i rechevogo razvitiya detej, ix narusheniya i metody` preodoleniya. M: AST, 2009. 153 s.

13. *Solomka N.A.* Lingvokreativnaya deyatel'nost' kak osobaya forma yazykovogo myshleniya // Novaya nauka: sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya. 2016. № 12 (5). S. 165-168.

14. *Tambovceva A.G.* Formirovanie sposobov slovoobrazovaniya u detej doshkol`nogo vozrasta v detskom sadu: dis. ... kandidata pedagogicheskix nauk: 13.00.01. Moskva, 1983. 199 s.

15. *Titlyanova E.S. KHmel'kova E.V.* Osobennosti narusheniya zvukoproiznosheniya u detej doshkol'nogo vozrasta s fonetiko-fonematicheskim nedorazvitiem // Vestnik shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 2 (50). S. 175-178.

16. *Tsejtlin S.N.* Napravleniya i aspekty izucheniya detskoj rechi // Detskaya rech' kak predmet lingvisticheskogo issledovaniya. SPb.: Nauka, 2004. S. 119-122.

17. *Tsejtlin S.N.* Lingvistika detskoj rechi kak innovatsionnaya nauchnaya i uchebnaya distsiplina // Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta. 2006. № 9 (35). S. 63-65.

18. *Tsejtlin S.N.* Ontolingvistika v puti // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2018. № 18. S.12-22.

19. *Shaxnarovich A.M.* Detskaya rech` v zerkale psixolingvistiki: Leksika. Semantika. Grammatika / A.M. Shaxnarovich; Ros. Akad. nauk. In-t yazy`koznaniya. Moskva: In-t yazy`koznaniya RAN, 1999. 165 s.

20. *E`l`konin D.B.* K probleme periodizacii psixicheskogo razvitiya v detskom vozraste // Voprosy` psixicheskogo zdorov`ya detej i podrostkov. 2004. № 1. S. 68-77.

21. *Yur`eva N.M.* Problemy` rechevogo ontogeneza: proizvodnoe slovo dialog: e`ksperimental`ny`e issledovaniya / N.M. Yur`eva; Rossijskaya akad. nauk, In-t yazy`koznaniya. Moskva: Akad. gumanitarny`x issled., 2006. 487 s.

22. *Stern K, Stern W.* Die Kindersprache [Elektronnyj resurs]. URL: https://archive.org/details/diekindersprach00stergoog/page/n6/mode/1up (data obrashcheniya: 14.02.23).

5.9.8
УДК 880.61

Л.П. Сон
Московский энергетический институт
111250, Красноказарменная, 14
Москва, Россия
luciason@mail.ru

ЯЗЫК ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ВТОРИЧНЫЙ ГЛОТТОГЕНЕЗ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СИМВОЛИКО-СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования языка интернет-коммуникации как новой символико-семиотической системы в свете научных теорий лингвистического знака и глоттогенеза. Также предлагается уровневая структура языка интернет-общения на фонолого-графическом, лексико-пиктографическом, морфолого-синтаксическом уровнях и дается их характеристика.

Ключевые слова. Интернет-коммуникация, лингвистический знак, вторичный глоттогенез, символико-семиотическая система, уровневая структура языка интернет-коммуникации.

L. Son

THE LANGUAGE OF INTERNET COMMUNICATION: SECONDARY GLOTTOGENESIS AND THE FORMATION OF A NEW SYMBOLIC-SEMIOTIC SYSTEM

Abstract. The article is devoted to the problem of the formation of the language of Internet communication as a new symbolic-semiotic system in the light of scientific theories of linguistic sign and glottogenesis. The level structure of the Internet communication language is also proposed at phonological-graphic, lexical-pictographic, morphological-syntactic levels and their characteristics are given.

Key words. Internet communication, linguistic sign, secondary glottogenesis, symbolic-semiotic system, level structure of the Internet communication language.

Современное состояние лингвистической науки, с одной стороны, и сфера информационных технологий и Интернета как неотъемлемой части реальной картины мира, с другой стороны, требуют научного понимания проблем, возникающих в период развития и становления информационного общества, поскольку появление новых парадигм

научного знания привело к возникновению целого ряда новых областей анализа и, в частности, языка интернет-коммуникации, – явления, аналогов которому на данный момент не существовало.

На сегодняшний день интернет-общение стало, пожалуй, самым популярным средством коммуникации. Оно аккумулирует в себе громадное разнообразие речевых практик, способов и форматов коммуникации и постепенно становится Signum Temporis (знамением нашего времени) [2, с. 16].

Во всех аспектах своего существования и во всех своих проявлениях язык находится в зависимости от формы своего материального носителя. Это отношение реализуется в проблематике семиогенеза, которая исследуется в рамках общей семиотики и лингвосемиотики (Ч.С. Пирс, Ч. Моррис, Э. Кассирер, Р. Якобсон, А.Н. Барулин, Н.Б. В.А. Канке, Мечковская, Вяч. Вс. Иванов, Н.В. Иванов, Ю.С. Степанов и др.).

На вершине процесса семиогенеза рождается новый этап, в котором эволюция знаковой формы продолжает свой путь, обрастая структурными гранями, получая дальнейшее морфологическое развитие. В своем новом языковом состоянии знак приобретает дискретные свойства, при этом важная роль отводится фактору линейности, дискретность знака переходит на синтаксический уровень, развиваются межзнаковые отношения и знак получает грамматическую форму существования. Этому новому дальнейшему процессу эволюции знаковой формы обычно присваивается термин глоттогенез. Вслед за известными трактовками (В.В. Иванов, Г. Гийом и др.) мы определяем глоттогенез как процесс формирования и развития артикуляционного аппарата в языковом знаке на фонолого-графическом и морфолого-синтаксическом уровнях, предписывающего определенный порядок формулирования мысли средствами языка.

В дальнейшем грамматическая форма знака получает нормативное закрепление. На определенном этапе приоритетное влияние в этом процессе имеет развивающаяся письменная форма языка. Письменная форма знаменует собой общую тенденцию к визуализации языковой формы, которая дополняет звуковую форму языка, являясь параллельной формой его существования, но при этом именно она становится решающим критерием стандартизации языковой формы и нормативизации языка в целом.

В условиях письменной интернет-коммуникации процесс визуализации языковой формы получает новый импульс развития на базе компьютерного интерфейса. В разговорной среде Интернета классическая (первичная) письменная форма языка дополняется формами интернет-изобразительности (смайлики, графика, аватарки и др.) и все больше контаминируется с этими формами. Этот процесс становится все более широким и массовым, что свидетельствует о его необратимости. В языке зарождается новый этап, этап дальнейшего развития знаковой формы, которой свойственны новые структурные характеристики и, которая получает дальнейшее морфологическое развитие. Этот процесс мы рассматриваем как *вторичный глоттогенез*, который представляет собой дальнейшее конвенциональное развитие языка, которое реализуется путем технической трансформации материальной стороны знака (означающего), в котором доминирует вторичный визуальный код, сочетающий в себе элементы символического изображения и классической письменности. Вторичный глоттогенез усиливает символические свойства знака, дает дополнительный импульс символическому развитию языка (процессу ре-символизации), и сопровождается усложнением структуры языкового знака на фонографическом, морфологическом и синтаксическом

уровнях. Локомотивом вторичного глоттогенеза является изобразительная трансформация (контаминация) означающего [10, с. 5].

Таким образом, продуктом вторичного глоттогенеза в разговорной среде Интернета становится язык интернет-коммуникации, который является *вторичной символико-семиотической системой*, и с этих позиций может рассматриваться как новое системно-структурное образование, расширяющее функциональное пространство естественного языка в плане реализации естественных языковых функций, и для которого характерно его относительное дискурсивное обособление в новой среде с чертами внутренней нормативизации. В своей речевой реализации язык интернет-коммуникации активно взаимодействует с другими неязыковыми (как правило, изобразительными) семиотическими системами, элементы которых используются в функции смысловых коммуникативных сигналов, что приводит к широкой и многоуровневой креолизации не только некоторых жанров интернет-текстов, но и в целом языковой формы языка интернет-коммуникации [10, с. 18].

Анализ материала разговорной среды интернет-общения показал, что процесс вторичного глоттогенеза охватывает все структурные уровни языка, которые номинируются как *фонолого-графический*, *лексико-пиктографический* и *морфолого-синтаксический* уровни.

Рассмотрим несколько примеров, характерных для фонолого-графического уровня языка интернет-коммуникации.

Выявлено, что на **фонолого-графическом уровне** заменяется не морфема в чистом виде, но определенная часть фонетической структуры слова, что радикально меняет визуальную форму слова. При этом, контаминация знака на уровне означающего не влияет на означаемое и, несмотря на де-автоматизацию восприятия, не препятствует пониманию.

Например: в испанском слове ***saludo***s (*привет*) окончание ***-dos*** звучит также, как и числительное 2 (***dos*** – *два*). Окончание слова ***saludos*** в графике заменяется числительным 2 (***dos***).

Обратим внимание на слово **-a2,** в котором числительное 2 (***dos*** – *два*) будучи паронимом слова **Dios** (*Бог*) используется в словосочетания **a Dios** (с богом).

Другой пример: слово **100to** (*siento* – *сожалею*) отображается омофонимичным по звучанию числительным **100** (cien).

Рассмотрим аналогичные символические аббревиатуры на английском языке: **2nite** идентично слову *tonight* (от англ. *сегодня вечером*); **2much** – словосочетанию *too much* (от англ. *слишком много*); **4you** – словосочетанию for you (от англ. *для тебя/вас*). В данных примерах числительные **2 (two)** и **4 (four),** будучи омофонами предлогов **–to, -for** и наречия ***–too*** контаминируются, соответственно, с существительным ***-night,*** наречием ***-much*** и местоимением **–you** и приобретают новую изобразительную легко расшифровываемую форму, которая не препятствует пониманию.

Рассмотрим примеры слов, образуемых по сложной иконической криптографической модели на **лексико-пиктографическом уровне** языка интернет-коммуникации. Мы выделили слова с истинной и ложной семантической функцией иконического формата.

Слова с истинной семантической функцией иконического форманта: ❤️ед – *сердце*ед; 🥇он - *медаль*он; 📚люб – *книго*люб; 🎹ник – *клавиш*ник; 👑вирус – *корона*вирус; 👓втиратель – *очко*втиратель; 🍼SOS – *молоко*сос; 🍄ник – *гриб*ник; пусто🔔 –пусто*звон* и др.

Слова с ложной семантической функцией иконическсого форманта: форма🍀 – форма*лист*; 👹ёж – *черт*ёж; 🐴ки – *коньки*; 🍬и – *конфети*; 🔪ка – *ножка*; с🦀 – с*краб*; ба🛢 – ба*бочка* и др.

Обратим внимание на то, что в обеих словообразовательных моделях иконический компонент является субститутом либо внутренней (первый тип), либо внешней (второй тип) формы. Причем данная подмена может быть не полной, а лишь частичной. Интернет-графика не может полностью перейти на иконический код общения, т.е. полностью превратиться в иероглифику или пиктографику.

Конечно, семантически это не имеет никакого отношения к обозначаемому объекту, но показывает характерный способ иконизации формы слова.

Следует заметить, что иконизация (иконическая контаминация) языка Интернета наблюдается и на уровне синтаксиса словосочетаний, предложения и высказывания. Синтаксические отношения во многом опираются на морфологический компонент, поэтому более точным было бы назвать этот уровень модификации языка в Интернете **морфолого-синтаксическим.**

Обращает на себя внимание, что синтаксису языка интернет-коммуникации присуща тенденция к аграмматизму, а именно: отклонение от пунктационных и синтаксических норм со стороны продуцента текста. Например: «*pedro*: “*problemas… de... maria….*”(исп.) – вместо “*Los problemas son de María*” – "*Проблемы исходят от Марии*» (рус.). Это характерный пример элиптической конструкции, часто используемой в языке интернет-коммуникации, когда опускаются главные члены предложения. В нашем примере – это отсутствие предиката **–son** (глагола *быть, являться чем-либо*), что в данном случае приводит к двоякому понимания смысла

высказывания, поскольку в отсутствии предиката не ясно: *Проблемы у Марии или исходят от нее?* Кроме того, в данном примере многоточие выступает как ретранслятор темпа и ритма речи, ему отводится роль паузы, замещающей логическую связь.

При написании интернет-сообщений заглавные буквы часто используются вместо прописных с целью достижения эмфазы. Например: “ME GUSTA ESTA CONVERSACION! OLA A TOD@SSSSSS! – (исп.) – вместо *Me gustsa esta conversación! Hola a todos!”* – (рус.). *Мне нравится эта беседа! Всем привет!*»; «ПАЗВАНИ МНЕ СЕДНЯ ВЕЧЕРОМ (рус.) – вместо *Позвони мне сегодня вечером*».

Со стороны реципиента текста такие нарушения воспринимаются с достаточно высокой долей толерантности. Формальный синтаксис утрачивает свой непререкаемый статус и при необходимости уступает свою позицию чистой коммуникативной линейности.

И таких примеров с проникающей иконизацией в саму форму языкового знака, имеется большое количество.

Рассмотрим как выглядит интернет-сообщение на испанском языке, написанное с использованием приема графического иконизма: “bn, sy el Osmar. tl vz m concs :-[s no, ps ai tmpo:-)))ns xq? tngo gnas d vrt :) ;-) sy tranklo, calmdo, aunk a vecs :-Opr cnevnencia, cmbio mi crcter :-(a un ms agrsvo. sy d ls prsnas k hcen ls csas ds vces, una n la mnte y la sgnda s laboral %-\#-) bn tngo zzz Muak @->-->--“ [11].

Выполнив анализ данного сообщения, мы увидим его декодированный крипто текст: “*bien, soy Osmar. Tal vez me conozcas (ирония). Si no, pues hay tiempo (улыбка). No sé ¿por qué? tengo ganas de verte (счастье, подмигивание). Soy tranquilo, calmado, aunque a veces (очень удивлен) por conveniencia cambio mi caracter (легкая грусть) a un más agresivo. Soy de las personas que hacen las cosas dos veces. Una en la mente y la segunda es laboral*”. –

«*Меня зовут Осмар. Возможно, ты меня знаешь (ирония). А если нет, у нас еще будет время (улыбка). Я и не знаю почему, но очень хочу увидеть тебя (счастье, подмигивание). Я спокойный, хотя иногда, когда мне это нужно (легкая грусть), становлюсь резким (очень удивлен). Я отношу себя к типу людей, которые сначала думают, а потом делают (необходимость зарабатывать). Какая ночь! Ну ладно, уже хочу спать. Целую и дарю розу*» (рус.).

В данном примере мы наблюдаем результат контаминации первичной письменной формы языка за счет применения графической иконизации и словообразовательных моделей, типичных для языка интернет-коммуникации. Результат этого процесса – вторичная визуальная форма языка Интернета.

Важно подчеркнуть, что на всех структурных уровнях языка интернет-коммуникации процесс вторичного глоттогенеза протекает в два этапа. На первом этапе знак обретает дополнительные символические свойства за счет привходящего изображения и/или символической выразительной демонстрации в аспекте означающего, искажающей привычную выразительную реализацию знака. Происходит контаминация первичной (письменной орфографической) и вторичной (символико-изобразительной) визуальных форм знака, что можно рассматривать как процесс его креолизации. Мы называем этот этап крипто-графическим на графическом уровне и крито-иконическим на лексическом уровне. На втором этапе новая креолизованная форма знака *конвенционализируется*, входит в привычный речевой обиход в разговорной среде Интернета.

Переход от первого ко второму этапу вторичного глоттогенеза в среде Интернета можно интерпретировать в терминах коммуникативно-лингвистического описания. Первый этап изначально содержит в себе

игровой момент, благодаря которому привычная форма знака преобразуется за счет криптографической и/или крипто-иконической символизации. Крипто-символизация усиливает экспрессию знака и в целом направлена на привлечение внимания. В этих своих качествах она способствует де-автоматизированному восприятию знака. На втором этапе глоттогенеза возникшая символическая форма знака конвенционализируется, благодаря чему игровая функция в нем пропадает, экспрессия снижается, знак де-экспрессивизируется и превращается в привычное средство обозначения, его восприятие становится привычным автоматизированным, символические ассоциации в нем затухают, перестают привлекать к себе внимание, на первый план выходит функция референции.

Исследуя диахронию (в терминах обычно понимаемой истории языка) вторичного глоттогенеза языка интернет-коммуникации, возраст которой составляет всего 20-30, следует отметить, что процесс закрепления стандартизации разговорного языка интернет-коммуникации уже достаточно выражен.

Символическая креолизация знака в среде Интернета на первоначальном этапе до какого-то момента характеризуется относительной корпоративной замкнутостью, что позволяет характеризовать ее и, соответственно, язык разговорной среды Интернета на первоначальном этапе развития, как некоторую форму сленга. Компьютерный сленг быстро теряет свою жесткую корпоративную функцию ввиду постоянного расширения среды пользователей. При этом креолизованная форма означающего конвенционализируется в новой широкой среде виртуального общения. Возникая как сленг, язык разговорной среды Интернета теряет присущие обычному сленгу черты направленной антинормативности. Элементы новой визуальной формы

языка сохраняются в привычном речевом обиходе, имеют тенденцию к нормативному закреплению. Вторичный глоттогенез направлен на **пере**форматирование языковой нормы.

В процессе своего дальнейшего развития язык интернет-коммуникации может получить специфический нормативный статус. В целом его развитие рассматривается как своеобразная антитеза стандартному речевому узусу, основанному на привычных законах языковой нормативности. Формирование узуальной нормы языка Интернета обусловливается, как объективными, так и субъективными причинами.

Интернет-коды и интернет-обозначения все шире проникают в обычную среду общения. Используются в рекламе, названии социальных объектов, торговых марках, ювелирных изделиях и т.д.

Лексическая форма язык интернет-коммуникации фиксируется влексикографически источниках и произведениях художественной литераьуры. Все это говорит о начинающейся нормативизации и широком закреплении этих форм в языке.

Таким образом, на основании проведенного исследования, определены перспективные научные представления о путях и тенденциях развития языка в аспекте означающего под влиянием современных технологических принципов его (означающего) компьютерной визуализации и сформулированы базовые положения *концепции вторичного глоттогенеза*, обосновывающей принцип семиотической эволюции языкового знака в современной коммуникативной интернет-среде.

Литература

1. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. Пер. с франц., под ред. Л.М. Скрелиной. – М.: Прогресс-Культура, 1999. –155 с.

2. *Горошко Е.И.* Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы. Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел: Картуш, 2007. – С. 16.

3. *Гумбольдт В.* Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 346-349.

4. *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре специальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии; редактор И. Т. Левыкин; АН СССР, Институт социологических исследований. – М.: Наука, 1984. – 268 с.

5. *Иванов Н.В.* Проблемные аспекты языкового символизма (Опыт теоретического рассмотрения). – Мн.: Пропилеи, 2002. – 176 с.

6. *Иванов Н.В.* Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса : дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н.В.Иванов. – Москва, 2002. – 377 с.

7. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 464 с.

8. *Потебня А.А.* Мысль и язык. – М.: Правда», 1989. – 203 с.

9. *Рыжова Л.П.* Французская прагматика. – М.: КомКнига, 2007. – 240 с.

10. *Сон Л.П.* Язык разговорной среды интернет-коммуникации в аспектах системного формирования: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Москва: 2023. – 39 с.

11. *Чат. Flash Gratis en Español.* – URL: http://www.gentechat.net/flash.chat

12. *English Chat on line.* – URL: http://www.speaking24.com/indexchat.php

13. *Ezquera M. A.* La formación de palabras en español. [Text] – Lavel, S.A. – Madrid, 2008. – 79 p.

14. *Grice H.P.* Meaning // Readings in semantics. – Urbana ate. – 1974. – 189 p.

15. *Goffman E.* Forms of Talk. – Oxford, 1981. – P. 31.

16. *Svanaes D.* Understanding Interactivity: Steps to a Phenomenology of Human-Computer Interaction. – Trondheim, Norway. – 2000.

References

1. *Giiom G.* Printsipy teoreticheskoi lingvistiki. Per. s frants., pod red. L.M. Skrelinoi. – M.: Progress-Kultura, 1999. –155 s.

2. *Goroshko E.I.* Lingvistika Interneta: formirovanie distsiplinarnoi paradigmy. Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediinom diskurse. – Orel: Kartush, 2007. – S. 16.

3. *Gumboldt V.* Ob izuchenii iazykov, ili plan sistematicheskoi entsiklopedii vsekh iazykov. Iazyk i filosofiia kultury. – M.: Progress, 1985 – S. 346-349.

4. *Dridze T.M.* Tekstovaia deiatelnost v strukture spetsialnoi kommunikatsii: problemy semiosotsiopsikhologii; redaktor I. T. Levykin; AN SSSR, Institut sotsiologicheskikh issledovanii. – M.: Nauka, 1984. – 268 s.

5. *Ivanov N.V.* Problemnye aspekty iazykovogo simvolizma (Opyt teoreticheskogo rassmotreniia). – Mn.: Propilei, 2002. – 176 s.

6. *Ivanov N.V.* Simvolicheskaia funktsiia iazyka v aspektakh semiogeneza i semiozisa: dis. … d-ra filol. nauk: 10.02.19 / N.V. Ivanov. – Moskva, 2002. – 377 s.

7. *Lotman Iu.M.* Vnutri mysliashchikh mirov. Chelovek-tekst-semiosfera-istoriia. – M.: Shkola «Iazyki russkoi kultury», 1999. – 464 s.

8. *Potebnia A.A.* Mysl i iazyk. – M.: Pravda», 1989. – 203 s.

9. *Ryzhova L.P.* Frantsuzskaia pragmatika. – M.: KomKniga, 2007. – 240 s.

10. *Son L.P.* Iazyk razgovornoi sredy internet-kommunikatsii v aspektakh sistemnogo formirovaniia: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. – Moskva: 2023. – 39 s.

11. Chat. Flash Gratis en Español. – URL: http://www.gentechat.net/flash.chat

12. English Chat on line. – URL: http://www.speaking24.com/indexchat.php

13. *Ezquera M.A.* La formación de palabras en español. [Text] – Lavel, S.A. – Madrid, 2008. – 79 p.

14. *Grice H.P.* Meaning // Readings in semantics. – Urbana ate. – 1974. – 189 p.

15. *Goffman E.* Forms of Talk. – Oxford, 1981. – P. 31.

16. *Svanaes D.* Understanding Interactivity: Steps to a Phenomenology of Human-Computer Interaction. – Trondheim, Norway. – 2000.

5.3.1.
УДК 004.81.; 316.6

А.В. Булгаков
Московский городской педагогический университет
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
av_bulgakow@mail.ru

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ КОНЦЕПТА «МУДРАЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ» В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

Аннотация. Актуальность. Дальнейшая разработка моделей рефлексивного управления организаций. Цель – показать потенциал концепции мудрая человечность организации (МЧО) для выхода из ловушек рефлексивного управления в контексте когнитивного подхода. *Результаты*: обоснована концепции МЧО, включающая модель, диагностические инструменты, возможные сферы применения. Проведен анализ теорий человечности, межгрупповой адаптации в организации, ее рефлексивного управления, включая различные концепции управления знаниями, парадигм мудрость/глупости. Использован прием когнитивного обзора авторских исследований. Введено понятие АКТЭЛ (активный элемент) как когнитивный инструмента выхода из ловушек рефлексивного управления организацией. На примере выборки 216 чел. 6 организаций различной сферы вскрыт вклад актэлов МЧО, который качественно определяется по передаче и преобразованию движения организации, количественно – по элементам актэлов МЧО: числу степеней свободы, траектории и скорости. Сделан акцент на доминирующем актэле МЧО, который находится в зависимости от социально-когнитивных типов управленческих ситуаций платформы Cynefin Д. Сноудена. *Основные выводы.* Знание доминирующего актэла МЧО способствует прогнозированию возникновения управленческой ситуации платформы Cynefin Д. Сноудена, обоснованию рекомендаций по управлению персоналом организации. *Практический выход*: результаты исследования могут быть использованы как инструмент диагностика организации, для оптимизации управления ее персоналом.

Ключевые слова: когнитивная парадигма управления, ловушки рефлексивного управления, мудрая человечность, платформа Cynefin Д. Сноудена, организация, психология рефлексивного управления.

A. Bulgakov

REVIEW OF RESEARCH ON THE CONCEPT OF "WISE HUMANITY OF AN ORGANIZATION" IN THE CONTEXT OF A COGNITIVE APPROACH

Annotation. Relevance. Further development of models of reflexive management of organizations. The goal is to show the potential of the concept of wise humanity of the organization (WHO) to overcome the traps of reflexive management in the context of the cognitive approach. *Results*: the concept of MChO was substantiated, including a model, diagnostic tools, and possible areas of application. The analysis of theories of humanity, intergroup adaptation in an organization, its reflexive management, including various concepts of knowledge management, wisdom/stupidity paradigms was carried out. The method of cognitive review of the author's research was used. The concept of AKTEL (active element) is introduced as a cognitive tool for escaping the traps of reflexive management of an organization. Using a sample of 216 people as an example. 6 organizations in various spheres, the contribution of MChO actels was revealed, which is determined qualitatively by the transfer and transformation of the movement of the organization, quantitatively - by the elements of MChO actels: the number of degrees of freedom, trajectory and speed. The emphasis is placed on the dominant actel of the MChO, which is dependent on the socio-cognitive types of management situations of D. Snowden's Cynefin platform. Main conclusions. Knowledge of the dominant actel of the MChO helps to predict the emergence of a management situation on D. Snowden's Cynefin platform and substantiate recommendations for managing the organization's personnel. *Practical outcome*: the results of the study can be used as a tool for diagnosing an organization to optimize the management of its personnel.

Keywords: cognitive management paradigm, pitfalls of reflexive management, wise humanity, D. Snowden's Cynefin platform, organization, psychology of reflexive management

Введение

Когнитивный подход в управлении организациями базируется на результатах многочисленных исследованиях в области экономики, социологии, психологии [1]. Академик И.В. Прангишвили выделяет особую эффективность когнитивного моделирования в управлении слабо структруированными системами (личность, группа, организация. Системы взаимодействий между ними и др.). Главным инструментом названо построение когнитивных карт – субъективное представление пространственной картины мира. Основными элементами когнитивных

карт являются внешние и внутренние факторы существования организации и причинно-следственные связи между ними. Примером является помещение понятия «Мудрая человечность организации» в пространство управленческих ситуаций Cynefin Д. Сноудена [13-14].

В серии статей и выступлений на конференциях 2020-2023 годов нами сформулирована и эмпирически обоснована концепция. Мудрая человечность организации (МЧО), выпущена монография [3]. Исследования проводились на различных по составу возрастных, социальных, профессиональных, этнических выборках. Динамика развития концепции вполне очевидна: теоретическое обоснование модели МЧО, разработка диагностических инструментов, проведение эмпирических исследований, обобщение результатов и формулирование основных положений концепции. Пришло время сделать обзор проведенных исследований, включив актуальные знания, теоретический и методологический вклад в проблему. Нами использован алгоритм предложенный Е.В. Лозинской для анализа когнитивного литературоведения [8]. Основу составил принцип универсализма когнитивного подхода, который предполагает, что фундаментальные механизмы человеческого мышления сохраняются неизменными в разных культурах и на протяжении довольно длительного исторического периода. Основная цель статьи – показать потенциал концепции МЧО для выхода из ловушек рефлексивного управления, встречающихся в российских организациях через соотнесение показателей МЧО и характеристик ситуаций управленческой деятельности.

Концепция МЧО находится на пересечении теорий человечности [2-3], межгрупповой адаптации в организации [9], ее рефлексивного управления [5; 9; 10; 11], включая различные концепции управления знаниями [13], парадигм мудрость/глупости.

Дефиниция *«ловушки рефлексивного управления»,* наиболее часто используется в военном деле как стратагемы в отношении противника [5], криминалистике как ловушки проведения следственных действий [6], политике как системы противостояний политических систем, культур [12], обучении как возможности активизации мышления [9], менеджменте как инструмента преодоления сопротивления инновациям [7], конфликтологии как схемы разрешения конфликтных отношений [10] и др. Наиболее часто встречающиеся ловушки: отвлечение внимания, перегрузка, паралич действий, истощение, обман, раскол, успокоение, устрашение, провокация, предложение, давление и др. [12].

Знание ловушек способствует их распознанию, так как рефлексивное управление (РУ) определяется как способ передачи партнеру или противнику специально подготовленной информация, чтобы склонить его «добровольно» принять предопределенное решение, желательное для инициатора действия [5]. Рефлексия относится к созданию определенной поведенческой модели в системе, которая ищет возможности управлять. РУ эксплуатирует мораль, психологический и другие факторы, а также персональные характеристики лиц, принимающих решения.

Рефлексивное управление [10] имеет различные часто противоположные по смыслу и направленности определения. Академик С.Ю. Глазьев [5] в условиях проведения СВО на Украине формулирует РУ *как* «навязывание противнику ложного образа с целью провоцирования его на принятие невыгодного для него же решения. Любые обманные движения, провокации и интриги, маскировки, розыгрыши, создание ложных объектов (и вообще ложь в любом контексте) входят в арсенал методов рефлексивного управления. РУ особенно легко поддаются высоконравственные и добропорядочные, но при этом наивные и не искушенные в хитросплетениях системного противостояния и стратагемах

экономико-политической конкуренции руководители. Меряя партнеров и подчиненных по себе, они им доверяют, воспринимая их столь же чистосердечными, искренними и добропорядочными людьми» [9].

Несмотря на значительный политический пафос, вполне приемлемый к тексту доклада на Валдайском форуме, С.Ю. Глазьев определяет суть происходящего: Россия вынуждена вести борьбу за спасение Человечества. Цели СВО должны быть погружены в этот глобальный контекст. Предлагаются средства достижения. Это символы нашей Веры и смыслы «духовной культуры человечества в противовес темным силам нацизма, расизма и сатанизма, двигающим политическое руководство стран Запада» [Там же].

Усугубляет ситуацию «вечный» методологический вопрос о возможности и обоснованности переноса нового психологического знания, методологии, методик проведения исследования из одних областей деятельности в другие. Например, из политической, образовательной, педагогической или военной в экономическую. Да и сам бизнес сегодня переходит в новый режим – режим «ситуационного моделирования», импровизации и режиссуры совместного творчества, а топ-менеджмент становится универсальным, который работает с объектом в целом и создает уникальные инструменты решения неожиданных проблем.

Обращение к конструктивной стороне РУ – по сути и есть выход из его ловушки. У нас есть такой источник. Обратимся к работам В.А. Лефевра одного их основоположников концепции РУ в СССР, России, США. Автор дает позитивное, конструктивное в рамках амбивалентности определение рефлексии – это «…способность некоторых систем строить модели себя и одновременно видеть себя строящими такие модели» [10]. Лефевр ввел ряд базовых для изучения РУ понятий: рефлексивная система, рефлексивная структура, ранг рефлексии, рефлексивное управление и др.

Дальнейшее развитие идей рефлексивного управления В.Е. Лефевра находим в работах В.Е. Лепского [9], который на основе философско-методологического анализа выявляет специфику рефлексивности в управлении различными типами социальных систем (экономика, политика, образование, военная сфера, информационные войны и противоборство и др.). В.Е. Лепский связывает отечественные исследования в области РУ с российской культурой. В.Е. Лепским предложены три группы *рефлексивных технологий*: имитация рефлексивной активности, рефлексивное управление, рефлексивное программирование. К базовым инвариантным свойствам субъектов ученый относит: целеустремленность, рефлексивность, коммуникативность, социальность и способность к развитию. Автор вводит понятие – «активные элементы» (АКТЭЛы). *АКТЭЛы – это активные элементы, обладающие базовыми инвариантными характеристиками субъектов, псевдосубъектов, реализованные на субстратном уровне естественным или искусственным интеллектом, а также их комбинациями*. По нашему мнению, АКТЭЛ из-за своей амбивалентности может быть представлен как инструмент выхода из ловушек РУ.

Считаем вполне уместным использование понятия «актэл» в дальнейшем развитии концепции МЧО. Главное отличие актэла от традиционно применяемого понятия психологические механизмы – его специфическая амбивалентность, гибридность. Актэл одновременно сам субъект с собственной активностью действующий одновременно в реальном и виртуальном пространствах. В актэле конгруэнтно сопрягаются атрибутивность и субъектность явления, сущностное и активное. Результатом анализа понятия психологический механизм стал вывод о необходимости обращения к достаточно редко используемым в психологии понятиям «преобразователя скорости и траектории развивающегося

психологического явления, степени его свободы, скорости, траектории и определенность развития». В свою очередь субъектность как активность человека, владение им своей профессиональной жизнью, позволяет приблизить полученные результаты эмпирически полученных данных о психологических механизмах приблизить к практике управленческой деятельности, а знание о рефлексивном управлении, включая преодоление рефлексивных ошибок, позволяет содержательно раскрыть взаимосвязь актэла с управленческой ситуацией в выбранной системе измерений. Среди управленческих концепций считаем приемлемым комплементарное совмещение концепции МЧО и теории управления знаниями, организационных приложений теории сложных систем в понимании Д. Сноудена [14].

Наглядно можно представить МЧО как амбивалентный конструкт мудрости и человечности, реализуемый актэлами ситуаций Cynefin в контексте ее рефлексивного управления организацией (см. рис. 1). Результат многоуровневого взаимодействия – выход из ловушки РУ, характерной для каждого типа ситуаций. Воспользуемся результатами нашего исследования взаимосвязи психологических механизмов МГА и ситуаций Cynefin, учитывая то, что психологический механизм – атрибут изучаемого явления.

Типология организаций по Д. Сноудену – это типология слабо структурированных ситуаций по определенному способу восприятия и понимания организационной проблемы. Таких управленческих ситуаций пять. *Known (порядок)* – ситуации простого порядка, явных и однозначных причин, вполне определенным и неизменным следствиям. *Knowable (упорядоченность)* – область ситуаций сложного порядка. Выявлены причины и следствия ситуации в организации, сделан вывод: но связи между ними запутаны. *Complex (сложность)* – область сложных

нелинейных систем. Здесь необходимо изучение конфигураций, возникающих в результате взаимодействия большого числа групп и ситуаций. *Chaos (хаос)* – область отсутствия связи между причинами и следствиями. Ситуация хаотичная, турбулентная, анализу не поддается, создает впечатление их «опасности», «дискомфорта». *Пятая область – Disorder (неопределенность),* управленческая ситуация, в которой члены группы одновременно оценивают проблему как наиболее понятную, такую, где есть опыт решения. Хотя, в области неопределенности единого мнения у членов взаимодействующих групп нет.

Рис. 1. Модель выхода из ловушек рефлексивного управления на основания знания активных элементов деятельности мудрой человечности организации (МЧО) в контексте ситуаций Cynefin Д. Сноудена

Таким образом, одним из направлений выхода из рефлексивной ловушки является целостный комплекс разноуровневых актэлов МЧО, который **придает организации направление, скорость движения из одной ситуации жизнедеятельности в другую.**

Изучение управленческих ситуаций в контексте мудрой человечности организации

Соотнесем понятие «актэла» с ситуациями управленческих проблем и состоянием организации в контексте платформы Cynefin (порядок, упорядоченность, сложность, хаос и неопределенность). При этом движение организации из одной управленческой ситуации в другую определяется как любое изменение параметров управления, динамика перехода из одного состояния самой организации в другую, из одних внешних и внутренних условий в иные. Движение организации вполне определено. Это начало движения, этапы, циклы, конечные и промежуточные результаты и т.д. Движение имеет степени свободы, скорости, траектории и определенность развития. Динамика актэлов определяется по критериям потенциалов взаимодействующих групп организации: адаптационного, организационного, мотивационного.

Для определения взаимосвязи структуры актэлов МЧО с типом управленческих ситуаций платформы Cynefin в организациях выдвинем ряд предположений:

1) Атрибутивно актэлы МЧО возможно дифференцировать на основании потенциалов взаимодействующих групп: адаптационного, организационного, мотивационного. Вклад актэлов МЧО количественно определяется как их реализация по передаче и преобразованию движения организации – по числу степеней свободы в понятиях алгебры событий,

траектории и скорости.

2) Доминирующий актэл МЧО находится в определенной зависимости от типа управленческой ситуации платформы Cynefin. Знание доминирующего актэла МЧО будет способствовать прогнозу тенденций развития организации, обоснованию рекомендации по управлению персоналом.

Результаты и обсуждение

Для определения управленческой ситуации предприятий целесообразно провести процедуру экспертной оценки развития организаций с использованием платформы Cynefin или опросника И.М. Лебедева [13]. Проиллюстрируем сказанное данными исследования 6 организаций, общей численностью 216 чел. [4].

Степень свободы действия актэла МЧО

Актэлы возникают при взаимодействии не менее 2-х групп организации, например, группа руководителей и группа подчиненных сотрудников. Применив некоторые из положений булевой алгебры, мы классифицируем организацию по 1) одновременной включенности актэлов МЧО обеих взаимодействующих групп (AB); 2) одновременного функционирования актэлов МЧО, хотя бы одной из групп (A+B); 3) одновременного действия актэлов МЧО одной из групп при условии не использовании их другой группой (A/B). Данные уровни рассчитывались на основании представлений булевой алгебры о вероятности события Ω – использовании актэлов МЧО между группами с различным статусом A и B (см. диаграммы Венна).

Направление действия актэлов МЧО

Направление актэлов МЧО соответствует вполне определенным ситуациям развития организации платформы Cynefin.

В ситуации «Порядок» причинно-следственные связи понятны руководителю. Ему ясны сильные и слабые стороны, внутренний потенциал организации, четко просматривается пространство внешних и внутренних факторов развития. Для управления достаточно: 1) прописать четкие инструкции, отражающие оптимальные способы работы; 2) обучить и контролировать персонал; 3) поддерживать ясную иерархию взаимодействия. Алгоритм работы руководителя – определить, классифицировать управленческую ситуацию и действовать. Доминирующим актэлом МЧО является мотивационный потенциал групп, он определяет направление и ход развития организации. Здесь могут быть реализованы мероприятия по изменению (совершенствованию) системы мотивации персонала.

В ситуации «Упорядоченность» у руководителя возникает основное затруднение – трудность выбора оптимального решения из возможных нескольких правильных решений. Поэтому алгоритм действий руководителя – определить, проанализировать и функционировать. Особое внимание при анализе обращается на специфические знания и умения. Стандартное решение здесь не эффективно, необходим творческий подход. Актэлом управленческой ситуации выступает организационный потенциал групп, содержательно связанный организационной идентификацией сотрудников всех статусов. Психолог в такой ситуации выступает как фасилитатор, предлагающий программу мероприятий по развитию организационной культуры, наполнению ее недостающими элементами.

В ситуации «Сложность» – типичной управленческой ситуации российского бизнеса – причинно-следственные связи неопределённы. Многообразные взаимодействующие актэлы ситуации находятся в сложной нелинейной зависимости. Никаких стандартных решений нет.

Ретроспективный анализ прошлого развития организации никак не помогает в прогнозе будущего. Алгоритм действий руководителя – надо сначала поэкспериментировать («вбросить» пробное решение), оценить результат, определить его эффективность, функционировать, снова «вбросить» и т.д. Организационный психолог здесь не только консультант-фасилитатор, но профессионал-экспериментатор, носитель нового знания. Доминирующим актэлом МЧО в сложной управленческой ситуации является адаптационный потенциал взаимодействующих групп, состояние их групповой неадаптированности в сочетании с высокой профессиональной мотивацией группы управляющих

В теории Д. Сноудена связь между причиной и следствием в ситуации «Хаоса» не определяется. Однако ситуации «Хаоса» уделяется много внимания в научной и практической организационной психологии. Например, так представляют консультанты «Экопси Консалтинг» результаты анализа современной организации [Там же] в контексте категорий рефлексивного управления. Ими проведено изучение (опросы, тестирование, наблюдение, решение кейсов) профессиональных взаимодействий сотрудников и руководителей. Такие взаимодействия составляют от 73% до 85% взаимодействий в организации (А.В. Булгаков, Т.Н. Магера, А.Ю. Наумов, В.М. Лебедев и др.). Подтверждена общая тенденция современных организаций: не каждый сотрудник быстро, не задумываясь отвечает, кто его начальник, так как он постоянно получает задания от нескольких руководителей. Причина – горизонтальные связи между подразделениями в компаниях, которые становятся крепче и ярче, чем внутри подразделений, а команды все чаще формируются на стыке функций. Выявлено, что в данной компании сосуществуют одновременно минимум три оргструктуры. Сам факт наличия трех структур не всегда очевиден для управленцев и сотрудников. Ситуация не поддается анализу

и управлению. Она хаотична. Поведение руководителей необдуманно, они управляют исходя из личного опыта и личностных особенностей. Одни закручивают гайки, другие пускают ситуацию на самотек. Главное отсутствует понимание того, что время, когда все получают указания от одного руководителя, прошло. В целом, отсутствует коммуникативная рефлексия управления.

Хаос вызывает работа через уровень. Однако ситуация, когда задача поступает сотруднику от руководителя непосредственного руководителя является нормой для данной российской компании, как и для многих других, особенно в крупных. Опросы сотрудников показали, что руководитель в среднем отдает указания 30-40 людям. В подобной сети взаимных указаний никто не может сказать, кто на самом деле тот единственный, кто может указывать.

Управленцам не менее сложно, чем сотрудникам. Никто точно не понимает, какая структура в организации, хотя все уверены, что определенная структура существует. Менеджмент находится в ситуации неопределенности, а непонимание приводит к решению запуска проекта трансформации с целью возродить жесткую структуру и классический менеджмент.

Привычка управлять на основе прямого подчинения и исполнительности приводит к тому, что руководители теряются в ситуации, когда сотрудник, относящийся к ним по штатному расписанию, основную часть задач получает от других людей и общается в основном с людьми других подразделений. Было выяснено, что доля открытости (открытость – общение вне своего подразделения) составляет 70%. Это те рабочие контакты сотрудников, которые происходят вне своего подразделения. Ситуация нормальная для современности, но нет ясности,

как в таких условиях управлять. Вывод: классические подходы больше не работают.

Исследования последних лет (Л. Аксеновская, Т. Базаров, А. Булгаков, А. Кидинов, В. Штроо и др.) показывают, что даже в самых автократических компаниях, где руководители не обладают качествами «антихрупкости» (Н. Талиб), а трансформация бизнеса идет с такой скоростью, что никакой руководитель не выдерживает напряжения, выгорает. Альтернатива одна – руководителю необходимо стать наставником для своих подчиненных, человеком, который является носителем методологии и экспертных знаний, а также глубоко разбирается в проблемах своей команды и занимается ее развитием, становиться *«Мудрецом с человеческим лицом»*

С ситуацией «Неопределенности» все обстоит несколько сложнее и проще одновременно. Это не хаос, это мерцание по Д. Сноудену той или иной ситуации. Позитивным здесь является сам потенциал ситуации, когда в многообразии можно выбрать подходящее рациональное зерно, например, актэлы МЧО, способные вызвать целенаправленный и управляемый резонанс управленческих решений.

***Последовательность включения актэлов МЧО для выхода из рефлексивной ловушки управления*.**

Содержательно такой алгоритм можно представить следующим образом. Пусковым актэлом МЧО являются неадаптивные групповые состояния взаимодействующих групп (или хотя бы неадаптивное состояние одной из них). В дальнейшее становление ситуации вступает актэл *организационной идентификации.* Актэл организационной идентификации функционирует амбивалентно. Он выступает в формах инверсии и медиации. Условно «продолжают» процесс актэл МЧО *мотивационный потенциал групп*. Актэл мотивационного потенциала групп играет роль регулятора МЧО. Разница в мотивационных потенциалах

взаимодействующих групп может вызвать эффект резонанса, когда, преодолевая трудности, вызванные влиянием внешних социальных факторов, возникшая психологическая энергия групп (одной из групп) направляется в конструктивное русло.

Заключение

Обзор серии авторских исследований, направленных на обоснование понятия АКТЭЛ как когнитивного инструмента выхода из ловушек рефлексивного управления организацией, позволили раскрыть его содержание – амбивалентное соединение атрибутивной и субъектной сторон мудрой человечности организации. Психологические механизмы – атрибутивная сторона МЧО; взаимосвязь показателей МЧО и характеристик управленческих ситуаций – субъектная (содержательная). Таким образом, концепция МЧО позволяет построить когнитивную карту управления организацией через комплекс актэлов МЧО, соотносящийся с платформой Cynefin Д. Сноудена.

Проведенным исследование выявлена обратная взаимосвязь: более простым управленческим ситуациям соответствуют более высоко уровневые актэлы МЧО или доминирующие актэлы. Управленческим ситуациям соответствуют доминирующие актэлы МЧО: «Порядок» – мотивация, «Упорядоченность» – организационная идентификация, «Сложность» – адаптация. Конгруэнтное совмещение понятий мудрости, человечности, платформы Cynefin позволяет найти вход из ловушек РУ.

Полученные результаты представлены в таблице 1. Направлением последующих исследований является определение гармоничности наполнения атрибутивной и субъектной составляющих актэлов ситуаций рефлексивного управления, построения обоснованной системы мер по оптимизации организации в формате когнитивных карт.

Таблица 1

Соотнесение управленческих ситуаций Cynefin Д. Сноудена, выявленных Актэлов рефлексивного управления и рефлексивных Ловушек

Управленческая ситуация Cynefin Д. Сноудена	Актэлы	Ловушки
Порядок	Мотивация	отвлечение внимания, перегрузка, раскол, успокоение
Упорядоченность	Организационная идентификация	паралич действий, истощение, обман
Сложность	Адаптация	предложение, давление
Хаос	Не определен	устрашение, провокация
Неопределенность	Соответствует доминирующему представлению субъектов управления	Все формы ловушек

Результаты статьи могут быть использованы в качестве методики диагностики организации.

Литература

1. *Авдеева З.К., Коврига С.В.* О постановке задач управления ситуацией со многими активными субъектами с использованием когнитивных карт // УБС. 2017. №68. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-postanovke-zadach-upravleniya-situatsiey-so-mnogimi-aktivnymi-subektami-s-ispolzovaniem-kognitivnyh-kart (дата обращения: 06.09.2023).

2. *Булгаков А.В.* Индекс человечности в организации: обоснование, измерение, применение [Электронный ресурс] // Организационная психология, 2020. – Т. 10. – № 3. – С. 8-37. URL: http://orgpsyjournal.hse.ru

3. *Булгаков А.В.* Мудрая человечность организации: размышления, измерения, перспективы. Монография – М.: Перспектива, 2023. – 204 с.: ил. ISBN 978-5-88045-574-4

4. *Глазьев С.Ю.* Авторский доклад Изборскому клубу академика Глазьева// URL: https://glazev.ru/articles/11-analitika-i-prognozy/106003-chto-proiskhodit#_ftnref22

5. *Жарёнов А.Б.* Стратагемы и рефлексивное управление в военной сфере // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2009. – №2. – С. 82-85.

6. *Зорин Г.А.* Криминалистическая рефлексия в процессах расследования, обвинения и защиты: Учеб. Пособие. Гродно: ГрГУ, 2003. – 109 с.

7. *Капра Ф.* Скрытые связи. Пер. с англ. М.: Изд-во София, 2004. – 336 с.

8. *Лебедев И.М.* Социально-психологические условия внедрения цифровизации в строительстве: автореферат дис. … кандидата психологических наук. М., 2019. – 24 с.

9. *Лепский В.Е.* Социально-политическое измерение науки и техники // Философия науки и техники. – 2021. – Т. 26. – № 2. – С. 127-147. https://doi.org 10.21146/2413-9084-2021-26-2-127-147

10. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры [Текст] / Под ред. Д. А. Поспелова [и др.]; М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Воронежский гос. ун-т. – Москва : Высш. школа, 1967. – 86 с.

11. *Лефевр В.А, Смолян Г.* Алгебра конфликта. – М., 1968. – 68 с.

12. Ментальные ловушки в управлении рисками и не только. URL: https://quizlet.com/

13. Сайт платформы Cynefin Д. Сноудена. URL: http://cognitive-edge.com/

14. *Тян Е.Э.* Инновационные технологии в аспекте мониторинга социально-психологических качеств персонала // Гуманит. науки. – 2011. – № 1. – С. 55–58.

15. *Финкельштейн Г.* Хаос современной организации: кто и кем управляет. URL:https://big-i.ru/management/korporativnyy-opyt/799185/ дата публикации 24 октября 2022

References

1. *Avdeeva Z.K., Kovriga S.V.* O postanovke zadach upravlenija situaciej so mnogimi aktivnymi sub#ektami s ispol'zovaniem kognitivnyh kart // UBS. 2017. №68. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-postanovke-zadach-upravleniya-situatsiey-so-mnogimi-aktivnymi-subektami-s-ispolzovaniem-kognitivnyh-kart (data obrashhenija: 06.09.2023).

2. *Bulgakov A.V.* Indeks chelovechnosti v organizacii: obosnovanie, izmerenie, primenenie [Jelektronnyj resurs] // Organizacionnaja psihologija, 2020. – T. 10. – № 3. – S. 8-37. URL: http://orgpsyjournal.hse.ru

3. *Bulgakov A.V.* Mudraja chelovechnost' organizacii: razmyshlenija, izmerenija, perspektivy. Monografija – M.: Perspektiva, 2023. – 204 s.: il. ISBN 978-5-88045-574-4-4

4. *Glaz'ev S.Ju.* Avtorskij doklad Izborskomu klubu akademika Glaz'eva// URL: https://glazev.ru/articles/11-analitika-i-prognozy/106003-chto-proiskhodit#_ftnref22

5. *Zharjonov A.B.* Stratagemy i refleksivnoe upravlenie v voennoj sfere // Nauchnye i obrazovatel'nye problemy grazhdanskoj zashhity. 2009. – №2. – S. 82-85.

6. *Zorin G.A.* Kriminalisticheskaja refleksija v processah rassledovanija, obvinenija i zashhity: Ucheb. Posobie. Grodno: GrGU, 2003. – 109 s.

7. *Kapra F.* Skrytye svjazi. Per. s angl. M.: Izd-vo Sofija, 2004. – 336 s.

8. *Lebedev I.M.* Social'no-psihologicheskie uslovija vnedrenija cifrovizacii v stroitel'stve: avtoreferat dis. … kandidata psihologicheskih nauk. M., 2019. – 24 s.

9. *Lepskij V.E.* Social'no-politicheskoe izmerenie nauki i tehniki // Filosofija nauki i tehniki. – 2021. – T. 26. – № 2. – S. 127-147. https://doi.org 10.21146/2413-9084-2021-26-2-127-147

10. *Lefevr V.A.* Konfliktujushhie struktury [Tekst] / Pod red. D. A. Pospelova [i dr.]; M-vo vyssh. i sred. spec. obrazovanija RSFSR. Voronezhskij gos. un-t. – Moskva : Vyssh. shkola, 1967. – 86 s.

11. *Lefevr V.A, Smoljan G*. Algebra konflikta. M., 1968. – 68 s.

12. Mental'nye lovushki v upravlenii riskami i ne tol'ko. URL: https://quizlet.com/

13. Sajt platformy Cynefin D. Snoudena. URL: http://cognitive-edge.com/

14. *Tjan E.Je.* Innovacionnye tehnologii v aspekte monitoringa social'no-psihologicheskih kachestv personala // Gumanit. nauki. – 2011. – № 1. – S. 55–58.

15. *Finkel'shtejn G.* Haos sovremennoj organizacii: kto i kem upravljaet. URL:https://big-i.ru/management/korporativnyy-opyt/799185/ data publikacii 24 oktjabrja 2022

5.9.8
УДК 81'23

В.А. Маслова
Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
210038, пр-т Московский, 33
Витебск, Беларусь
mvavit@tut.by

МИФ КАК ПРОЕКЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье показано, что для современной науки характерны интеграционные подходы: одна и та же проблема может быть комплексно рассмотрена только при объединении различных наук. Таков миф, который исследуется разными науками. Миф, с одной стороны, сформировал коллективное бессознательное, с другой – коллективное бессознательное лежит у истоков мифа; оно может изучаться не только через анализ психики человека (психологией) и социологией, но и через миф, например, лингвистикой, что и продемонстрировано в статье.

Ключевые слова: миф, мифологема, коллективное бессознательное, фразеологическая единица.

V. Maslova

MYTH AS A PROJECTION OF THE COLLECTIVE UNCONSCIOUS IN LANGUAGE AND CULTURE

Annotation. The article shows that modern science is characterized by integration approaches: one and the same problem can be comprehensively considered only when different sciences are combined. This is a myth that is being investigated by various sciences. The myth, on the one hand, formed the collective unconscious, on the other hand, the collective unconscious lies at the origins of the myth; it can be studied not only through the analysis of the human psyche (by psychology) and sociology, but also through myth, for example, by linguistics, which is demonstrated in the article.

Keywords: myth, mythologeme, collective unconscious, phraseological unit.

Как образно сказал кто-то из современных ученых, наука – это лоскутное покрывало, где красивые разноцветные куски материи подогнаны друг к другу, и, хотя они выполняют единую функцию, все же остаются отделенными друг от друга. Таковы сейчас психология,

философия, лингвистика, биология, культурология, семиотика, этнография и другие гуманитарные и даже естественные науки, исследующие человека в разных его аспектах и сферах деятельности. Они не хотят объединяться, хотя еще в прошлом веке В.И. Вернадский писал о том, что то или иное явление мира должно исследоваться по проблемам, а не по наукам.

Одной из таких проблем, исследованием которой занимаются различные науки, является мифология, потому что мифы – это универсальный способ постижения, организации и категоризации мира. Миф охватывает все уровни социальной и индивидуальной практик.

Мифы – это проекция коллективного бессознательного, поэтому коллективное бессознательное можно исследовать двумя путями: через изучение мифологии и путем анализа психики человека. Под мифом мы понимаем форму древней культуры, способ постижения мира, обобщенный опыт народа, явленный в системе образов. По мнению В.Н. Топорова, ритуал и миф – «первые шаги человеческой культуры» [9, с. 44].

Наша статья развивает **идею свертывания мифа во фразеологизм-мифологему, в которой можно увидеть и расшифровать не только этнокультурную информацию, но и глубинные механизмы сохранения коллективного бессознательного.** Теоретической основой такого подхода является взгляд на ФЕ как на один из способов функционирования мифологических знаний. Для этого мы подвергаем анализу семантику ФЕ, сформировавшихся на основе представлений древних славян, пытаемся выявить механизмы, с помощью которых можно реконструировать характер мотивированности значений фразеологических единиц, обусловленных этнокультурной действительностью.

С одной стороны, мифы консервативны, сам язык тоже может рассматриваться как часть мифа. С другой стороны, они возникали на протяжении функционирования культуры всегда. Современные мифы – тоже интереснейшее явление. Они рождаются как фейки, которые

получают быстрое и широкое распространение в социуме.

Миф – это особое состояние сознания, специфическая мыслительная область, в которой объект предстает как важный образ культуры. Так, *Родина* – это *мать, родная земля,* но ее нельзя заменить другой мифологемой (мифологема – ядро мифа, его картинка) – Матерью Сырой Землей. Представление о земле менялось на протяжении веков. В сознании древних славян **земля** - живое существо, травы и лес – ее волосы, скалы и камни – ее кости, реки и моря - ее кровь, а суша - тело. С одной стороны ЗЕМЛЯ – символ смерти, этим объясняются фразеологизмы *уйти в землю, отдать земле, кормить землю, стереть с лица земли, сквозь землю провалиться, предавать земле, сровнять с землей, ложиться в землю* (ср. также обряд славян - горсть земли на могилу). Отправляясь в чужую сторону, на войну и русские и белорусы брали с собой щепотку родной земли на тот случай, если придется умереть вдали. Есть поверье, что великих грешников земля не принимает, с ним связаны фразеологизмы, обращенные к покойнику – *земля пухом*, фразеологизмы-проклятия - *чтоб земля не носила, земля-колом* и др. [6].

Существует мифологема «земля-мать-прародительница»: «Главное свойство земли, имевшее в глазах древнего человека первостепенное значение, – это плодородие... Появление из мертвой почвы живых ростков казалось загадкой, тайной, чем-то сверхъестественным» [4, с. 49]. Именно эта мифологема формирует позитивное значение фразеологизмов *земля обетованная, сидеть на земле, видеть на три аршина под землей, рай земной* и др. Позитивное значение фразеологизмов выражено через отношение к земле у славян-земледельцев как к матери-кормилице: *власть земли, пуп земли, соль земли* и др.

Сходные значения встречаем и в белорусской фразеологии. Так, самая страшная клятва для белоруса, по наблюдению известного этнографа

А.Е. Богдановича, – это клятва, произнесенная с землей во рту или в руках, что косвенно отразилось на значении таких фразеологических единиц, как *зямлю грызці, нюхаць зямлю* и т.д. О пьяном человеке белорусы говорят "*як зямля*", о жадном "*зямля ненаежная*", об уставшем от длительной работы – "*зямлі не чуе пад сабой*", о потерявшем уверенность – "*зямля уцякае з-пад ног*"; но ФЕ с компонентом "земля" употребляются и для позитивной характеристики человека – "*бачыць на тры сажні ў зямлю*" (о прозорливом человеке). Все эти русские и белорусские фразеологизмы в основе своей имеют миф о Земле.

На протяжении XIX-XX вв велись поиски глубинных связей языка и мифа. Ф.И. Буслаев, например, в своих работах стремится выявить неявные установки сознания, закрепившиеся в мифах. Он вместе с А.Н. Афанасьевым, А.Н. Веселовским, А.А. Потебней установили, что язык и миф зарождаются в доисторический период одновременно, взаимодействуя друг с другом как форма и содержание.

Национальные мифы являются реализацией общечеловеческих архетипов [13]. Отношение между мифом и языком – сложное. Думается, что миф и предшествует языку как неоформленное движение мысли, и совпадает с ним, определяя план его содержания, но и порождается языком.

Мы рассмотрим мифы как эхо реальных событий, зафиксированных во фразеологические единицы (ФЕ) современного русского языка, коснемся механизмов их возникновения сквозь призму интересов, нравов, обычаев, верований русского народа.

В.Н. Топоров говорит **о ритуальном происхождении языка,** имея в виду, что именно ритуал был тем исходным локусом, где происходило становление языка как знаковой системы. Ритуал – древнее языка, предшествует ему и во многих важных чертах предопределяет его. Ритуальная деятельность явилась основой появления наглядно-образного типа мышления.

Однако думается, что это не совсем верно. Ритуал есть уже в мире животных – это брачные танцы зверей; есть у них и социальные формы поведения – например, поведение их внутри сообщества (воспитание детенышей на основе подражания), элементарные эстетические эмоции и т.д. Все это биологические предпосылки, на основании которых по замыслу Божьему возникают язык, общество и культура.

Почти любое слово для древнего человека имело особую мифологическую глубину, было окружено мифическими смыслами, было сакрально. С точки зрения мифологического мировоззрения существенно лишь то, что сакрализовано, а сакрализовано лишь то, что составляет часть Космоса, что выводимо из него. Таким образом, для наших предков было чрезвычайно важно знание сакральной семантики слова. С развитием цивилизации эти знания забываются, но не теряются окончательно, сохраняясь в тайниках культурной компетенции, коллективного бессознательного, потому блики их неожиданно возникают в современных языковых единицах (фразеологизмах, пословицах). Вероятно, в самом языке заложен определенный механизм, благодаря которому он в силах не только сохранять во времени черты мифологического мышления, но и заново их продуцировать.

Поскольку мифотворчество – важнейшее явление культурной истории народа, отпечатки мифов не могли не закрепиться в языке, в том числе и во фразеологии, которая, по словам В.В. Виноградова, является «душой» языка. Именно во фразеологии закреплены древние знания человека о мире через мифы, поверья, обряды, обычаи.

Рассмотрим, как переплетается язык и миф еще на одном примере - фразеологизмах с компонентом **сердце**. Сердце – это мифологема в русском коллективном бессознательном. Тело - фундамент и фокус для духовных начал человека. Важнейший орган тела – сердце, располагаясь в центре

человеческого тела, является центром личности, центром сосредоточения многого в человеке: эмоций и чувств, разума и воли. П. Флоренский писал: «В индо-европейских языках слова, выражающие понятие “сердца”, указуют самым корнем своим на понятие центральности, серединности» [10, с. 269].

У русских сердце не только вместилище эмоций. Как справедливо утверждает Б.П. Вышеславцев, сердце – «центр круга, из которого могут исходить бесконечно многие радиусы, или световой центр, из которого могут исходить бесконечно разнообразные лучи» [3, с. 63]. Поэтому сердце – это центр жизни вообще – физической, психической, духовной и душевной; так, сердцу приписывают все функции сознания – мышление, волю (ибо оно принимает решения: «Когда же исполнилось ему сорок лет, пришло ему на сердце посетить братьев своих, сынов Израилевых» (Деян.: 7: 23)), совесть: совесть, по словам апостола, есть закон, написанный в сердце.

Сердце занимает центральное место в религии, в мистике, в поэзии разных народов. Одиссей размышлял и принимал решения “в милом сердце”. В Илиаде глупый человек называется человеком “с неумным сердцем”. В Библии сердце означает орган всех чувств и религиозного чувства и особенности. Вероятно, в сердце находится душа человека [7].

Подчеркивая важность символа сердца для религии, Б.П. Вышеславцев пишет: «В нем выражается сокровенный центр личности. Сердце есть нечто более непонятное, непроницаемое, таинственное, скрытое, чем душа, чем сознание, чем дух» [3, с. 65]. В Евангелии сказано, что сердце есть орган религии, орган, с помощью которого мы созерцаем Бога: «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога» (Матфей 5:8). С одной стороны, сердце – точка соприкосновения с Богом, орган, устанавливающий интимную связь с ним, отсюда *жить в Богом в сердце*, *сердобольный* (о сострадательном, отзывчивом человеке), а с другой –

источник греха, темных сил – *бессердечный* (о черством человеке), *камень вместо сердца, ледяное сердце,* прилагательное *сердитый* (склонный раздражаться, гневаться), фразеологическая единица *под сердитую руку* (разгневавшись, вспылив), *в сердцах* (в порыве раздражения), *сорвать сердце на ком-либо* (излить свой гнев) и др. В Библии понятия «душа» и «сердце» часто выступают как тождественные, заменяющие друг друга, но еще чаще они различаются.

Сердце гораздо важнее для русских, чем душа, оно вмещает душу: *В злобном сердце душа стонет* (поговорка); похищение же сердца равносильно смерти: *Ты похитил мое сердце* (метафора); фразеологизмы *пронзить сердце, разбить сердце* и др.

Дж. Фрэзер указывал на мифологему «поедание сердца», он считал, что употребление сердца в пищу первобытными людьми носило чародейный характер [11, с. 552]. Отголоски этого обнаруживаются в современном христианском причастии – приобщении к учению Христа через поедание его «тела» и «крови».

Важная составляющая мифологемы ***сердце*** – «быть вместилищем чувств» – *сердце переполняется, от полноты сердца, всем сердцем, в глубине сердца* и т.д.; «быть вместилищем желаний» – *по сердцу, сердце не стерпело, с замиранием сердца*; «быть местом, где зарождаются чувства и желания» – *в сердце вспыхнула любовь, надежда*; «быть центром интуиции»–*сердце чует, у сердца есть уши, сердце подскажет, закрадываться в сердце*; «быть центром совести и других моральных свойств» – *положа руку на сердце, каменное сердце, золотое сердце; «*быть источником света и тепла» – *сердце горит, гореть сердцем* (ср. легенду о Данко у М. Горького), «быть сокровищницей» – *ключи от сердца, отдавать сердце,* ср. также евангельские тексты: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе...» (Лука 6: 45); сердце – «гарант любовного

благополучия» – *предлагать руку и сердце;* сердце – «место, в котором чувства скрыты от посторонних глаз» –*никто не знал, что творилось в его сердце, читать в сердце* и т.д.

Как видим, одна и та же мифологема-архетип может лежать в основе фразеологических единиц, употребляемых для оценки человека, его внешности и внутренних качеств, различных объектов мира и отношений человека к этим объектам.

В некоторых культурах и языках локализация эмоций (чувств, ощущений) иная: в китайской наивной картине мира эмоции локализуются в почках, в африканской (западноафриканский ареал, язык догон) – в печени и носу; во французской – в селезенке.

В русской картине мира среди источников эмоций селезенка полностью отсутствует, зато важную роль играет **сердце**: *сердце мне истомила тоска, брать за сердце* (волновать, производить сильное впечатление), *сердце болит, с замиранием сердца* и др. Выражая различные эмоции, лексема “сердце” объединяется с самыми различными предикатами, образуя метафоры с разными значениями: *сердце бьется, поет, закипает* (Пушкин), *сжимается* (Чехов), *рвется, дрожит, пышет* (Фет), *загорается, сплющивается, замирает* (Фурманов), *отцветает, цепенеет* (Грин), *трепещет, разрывается*, *заходится, сжимается, закатывается* (Зощенко), *пламенеет* (Заболоцкий), *каменеет, черствеет, грубеет*, *холодеет, смягчается* (Шолохов); *сердце дрогнуло, затрепетало*, *заколотилось, упало, покатилось* (Куприн), *сердце болит, щемит, ноет, горит*, фразеологизмы *сердце не лежит, сердце кровью обливается, сердце не на месте* и т.д.

С помощью фразеологизмов с компонентом «сердце» можно описать почти весь мир: 1) многочисленные оттенки чувств и состояний человека *кошки на сердце скребут, сердце замерло, камень с сердца свалился, отлегло от сердца, брать за сердце, сердце кровью обливается, как маслом по сердцу,*

надрывать сердце, сердце не на месте, сердце сжимается и др.; 2) отношение человека к объектам мира – *от чистого сердца, запасть в сердце, положа руку на сердце, от всего сердца, сердце принадлежит кому-то, сердце занято, от сердца, войти в сердце* и т.д.; 3) характеристику человека – *сердце обросло мохом, мягкое сердце, доброе сердце, каменное сердце, неукротимое сердце, золотое сердце, покоритель сердец, горячее сердце, глупое сердце;* 4) поведение человека в обществе – *заглядывать в сердце, находить доступ к сердцу, давать волю сердцу, срывать сердце, покорять сердце, открывать сердце, разбить сердце* и др.

Таким образом, наш язык показывает нам, что сердце есть центр не только сознания, но и бессознательного, не только души, но и тела, центр греховности и святости, центр сосредоточения всех эмоций и чувств, центр мышления и воли; оно не только «орган чувств» и «орган желаний», но и «орган предчувствий»; следовательно, сердце как бы абсолютный центр всего человеческого. Это показывает нам язык.

Почему данные метафоры понятны каждому носителю языка, каждой языковой личности (по Ю.Н. Караулову)? Потому что в основе таких метафорических переносов лежат такие архетипы и мифологемы, которые регулируют метафорические употребления. Например, «чувства = жидкость»; данная мифологема взята из библейской мифологии [1, с. 257], она порождает образ чаши, из которой пьет человек, переживая чувства: *испить до дна* (о чувствах), отсюда *глубина чувств*; любовь – сосуд, отсюда *полная любовь* (М. Цветаева), *неисчерпаемая любовь*; любовь – океан, море, отсюда *любовь тихая, бурная, спокойная* и т.д. Таким образом, мифологема «любовь = жидкость» передает и закрепляет в себе их текучесть, изменчивость, динамику.

Говоря о чувствах и эмоциях, нельзя не заметить, что здесь «работает» еще один параметр – «верх–низ»: «Эмоции ассоциируются с

параметрическими характеристиками по вертикали и горизонтали» [1, с. 62], поэтому спокойствие – это как бы неподвижность по этой шкале, как бы «нулевая» координата, положительные эмоции связаны с движением вверх (*прыгать от радости*), а отрицательные – с движением вниз (*согнуться от горя*).

Особая мифология у ***узла.*** В русской мифологии и ментальности он сопровождается негативными коннотациями. Так, фразеологизм *связать по рукам и ногам* в значении “лишить возможности действовать свободно” негативная коннотация обусловлена влиянием представлений о физическом действии связывания как магической практики вязания узлов. Ситуация, отраженная фразеологизмом *вить веревки* (полностью подчинить своей воле), также оценивается отрицательно, ибо человек должен подчиняться лишь Божьей воле, а не воле другого человека. Семантика этих ФЕ формировалась под влиянием магических актов витья, вязания, плетения, гнутия в системе представлений древних славян о **кривизне** [12]. Генетически кривизна соотносится с мифологемой **узла** (например, *завязать* – покончить с чем-либо плохим), завязать талисман, который носят на руке или шее и тем самым предохраняют себя от болезней и несчастий. Символические функции этих процессов однородны связаны с обрядовой значимостью нити.

При подготовке к родам развязывали все узлы на одежде даже у кружающих, снимали кольца, расплетали косы. С чем это связано? равильно ответить на этот вопрос помогает язык, его семантика, этимология. Так, по свидетельству М.М. Маковского, семантика слов *плохой, злой* связана с семантикой слов *узел, плести*. Фразеологизм *развязать язык* означает «начать говорить о том, о чем раньше молчал» и употребляется с пометкой «неодобрительно». С помощью узла можно нанести вред – связать счастье, здоровье, но вместе с тем и принести добро – связать зло. Таким образом, *узел, моток, нить*, с одной стороны, являются оберегом, но

происходит это, по мнению древних славян, только тогда, когда человек знает, для чего они сделаны, если же не знает цель их появления, то это вредное колдовство. Отголоски магического завязывания узла можно видеть в обычае завязать узелок на память, завязать кисть руки красной нитью (как оберег).

Вывод

Что же делают мифологемы, под которыми мы понимаем «картинки» мифов, столь важными не только для понимания функционирования языка (его фразеологизмов, пословиц, притч), но и для исследования коллективного бессознательного? Думается, что это заключенная в них энергия человеческого духа. Мы понимаем под энергией не только то, что греет или светит, а энергия – это и наша Земля, и воздух, и человек, и все в мире и космосе. Это разные формы энергии. Большая ее часть находится за пределами нашего восприятия. Можно сказать, что энергия – это особый вид материи, точнее, энергия – это бесконечная цепь переходных состояний материи.

В мифе мы видим особое состояние духа как вида духовной материи, в которой в центре и в свертке находится коллективное бессознательное. Нужно использовать все пути, которые способны пролить свет на проблему. Не случайно у Э.Б. Тайлор встречаем: «необходимо использовать всякий путь, могущий привести к знанию, необходимо использовать любую дверь и убедиться, нет ли возможности ее открыть» [8, с. 33]. Именно лингвистика помогает увидеть мир – язык – человека и его сознание гармонии, ощутить гармонию человека и его психики с реальным и возможным мирами.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Язык Пушкина. – М.-Л.: Academia, 1935. – 795 с.

2. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 174 с.

3. *Вышеславцев Б.П.* Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии, 1990. – № 4. – С. 93-102.

4. *Евсюков В.В*. Мифы о мироздании. – М.: Политиздат, 1986. – 87 с.

5. *Лобок А.М.* Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 692 с.

6. *Маслова В.А.* «Преданья старины глубокой» в зеркале языка. – Минск: «Экономпресс», 1997. – 117 с.

7. *Пименова М.Вл.* Концептуализация чувства в русской языковой картине мира //Мир человека и мир языка. – Кемерово, 2003. – С. 58-120.

8. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 576 с.

9. *Топоров В.Н*. Исследования в области балто-славянской духовной культуры. – М.: Языки славянской культуры, 1993. – 579 с.

10. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. – М: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 640 с.

11. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1983. – 832 с.

12. *Холявко Е.И.* Отражение мотива кривизны во вторичной семантике русского и белорусского слова. – Гомель: ГГУ имени Ф. Скорины, 2002. – 176 с.

13. *Юнг К.Г, Нойман Э.* Психоанализ и искусство. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996. – 304 с.

References

1. *Vinogradov V.V.* Jazyk Pushkina. – M.-L.: Academia, 1935. – 795 s.

2. *Vol'f E.M.* Funkcional'naja semantika ocenki. – M.: Nauka, 1985. –174 s.

3. *Vysheslavcev B.P.* Serdce v hristianskoj i indijskoj mistike // Voprosy filosofii, 1990. – № 4. – S. 93-102.

4. *Evsjukov V.V.* Mify o mirozdanii. – M.: Politizdat, 1986. – 87 s.

5. *Lobok A.M.* Antropologija mifa. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii, 1997. – 692 s.

6. *Maslova V.A.* «Predan'ja stariny glubokoj» v zerkale jazyka. – Minsk: «Jekonompress», 1997. – 117 s.

7. *Pimenova M.Vl.* Konceptualizacija chuvstva v russkoj jazykovoj kartine mira // Mir cheloveka i mir jazyka. – Kemerovo, 2003. – S. 58-120.

8. *Tajlor Je.B.* Pervobytnaja kul'tura. – M.: Politizdat, 1989. – 576 s.

9. *Toporov V.N.* Issledovanija v oblasti balto-slavjanskoj duhovnoj kul'tury. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 1993. – 579 s.

10. *Florenskij P.A.* Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoj teodicei. – M: OOO «Izdatel'stvo ACT», 2003. – 640 s.

11. *Frjezer Dzh.* Zolotaja vetv'. – M.: Politizdat, 1983. – 832 s.

12. *Holjavko E.I.* Otrazhenie motiva krivizny vo vtorichnoj semantike russkogo i belorusskogo slova. – Gomel': GGU imeni F. Skoriny, 2002. – 176 s.

13. *Jung K.G,* Nojman Je.Psihoanaliz i iskusstvo. – M.: Refl-buk, Vakler, 1996. – 304 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Булгаков Александр Владимирович, профессор, доктор психологических наук, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

Комалова Лилия Ряшитовна, доцент, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отделом языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН РФ (Россия)

Ксенз Мария Игоревна, учитель немецкого языка средней общеобразовательной школы №12 г. Батайска (Россия)

Ломова Оксана Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного Федерального Университета (Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Член Президиума ВАК Республики Беларусь, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета (Беларусь)

Мыскин Сергей Владимирович, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор Московского городского педагогического университета (Россия)

Сон Людмила Петровна, доцент, кандидат экономических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» (Россия)

Электронный научный журнал

«Организационная психолингвистика» публикует статьи, доклады и сообщения российских и зарубежных ученых, докторантов и аспирантов, молодых специалистов. К публикации принимаются также рецензии, обзоры, информация о научных проектах и др. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

Тематика журнала в соответствии с утверждённой номенклатурой научных специальностей:
5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (Психологические науки)
5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (Психологические науки)
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (Филологические науки)

Рубрики журнала:

- Концептуальные вопросы организационной психолингвистики.
- Экспериментальные исследования в малых профессиональных группах, трудовых коллективах, организациях.
- Отечественная и зарубежная практика организационной психолингвистики.
- Труды начинающих учёных.
- Хроника, обзоры и рецензии.
- Организационная психолингвистика в лицах и дискуссиях.
- Из истории организационной психолингвистики.

Требования к представлению статей и рецензий

1. К публикации принимаются только статьи, ранее не публиковавшиеся.

2. Статьи и рецензии в электронном виде необходимо выслать на электронную почту **orgpsyling@yandex.ru**

3. Объем рукописи:

— статья (без аннотаций, ключевых слов и транслитерации): до 20 тыс. знаков с пробелами. В отдельных случаях допускается до 40 тыс. знаков

— рецензия 15-20 тыс. знаков с пробелами,

— доклад, сообщение, обзор до 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Пристатейные материалы (подаются на русском и английском языках): название статьи, ее аннотация, 5-6 ключевых слов

(терминологических словосочетаний), способствующих индексированию статьи в поисковых системах.

Важно! Объем аннотации в соответствии с международными требованиями составляет 150-200 слов. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и указание на результаты исследования. Текст аннотации, а также ключевые слова, написанные на русском языке, должны соответствовать тексту аннотации и ключевым словам, написанным на английском языке (при безусловно возможном расхождении в количестве слов в аннотации на русском и английском языках).

5. Транслитерация всех источников из списка литературы (если это источники на русском языке) даётся латиницей (для транслитерации можно использовать сайт http://www.translit.ru);

6. Персональные сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, должность; место работы; сфера научных интересов; электронный адрес, контактный телефон. Размещаются в соответствии с Приложением 1.

5. Для подачи рецензии

— дублирование заглавия рецензии на английском языке;

— представление персональных сведений об авторе рецензии (как при представлении статьи).

6. Статьи аспирантов и докторантов принимаются только при наличии рецензии от научного руководителя, отчет из системы «Антиплагиат ВУЗ «(оригинальность текста не мене 87%) и письменного заявления.

Порядок прохождения рукописи

1. Проверка рукописи на общенаучное и техническое соответствие.

2. Анонимное рецензирование (редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения российских и/или зарубежных рецензентов).

3. В случае принятия редакционной коллегией решения о возможности публикации статьи в дистанционном режиме с автором заключается двусторонний договор (публичная оферта) на публикацию материалов в журналах.

4. После обоюдного подписания договора автору направляется уведомление, где указываются сроки публикации, а также в рабочем порядке по необходимости направляются корректуры, верстка и т.п.

Технические требования к рукописи

Файл рукописи должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

Текст стати и рецензии: поля — с каждой стороны страницы 2 см.; шрифт Times New Roman; выравнивание «по ширине», 14 кегль,

полуторный интервал; отступ стандартный (автоматический — 1,25 см); порядковый номер страницы (начиная с 1-й) указывается внизу по центру.

Инициалы и фамилия автора статьи, а также аффилиация и электронный адрес — в начале работы, выравнивание «по правому краю» (Название организации должно быть приведено в полном виде без сокращений. Вместе с названием необходимо указать ее адрес: город и страну. Если над статьей трудились несколько авторов. из разных организаций, необходимо указать и их данные. Названия учреждений должны быть соотнесены с фамилиями при помощи добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов).

Название статьи: выравнивание «по центру»; на русском языке — 14 шрифт, на английском языке — 12 шрифт.

Аннотации, ключевые слова, список литературы, транслитерация: 12 кегль, одинарный интервал.

Оформление сносок: в квадратных скобках указываются порядковый номер источника в списке литературы (источники в списке даются в алфавитном порядке; сначала на русском, а затем на других языках), далее через двоеточие — номер тома (при необходимости) и номер страницы. Например: [3, с. 108], [3: II, с. 108], [3, с. 108; 5].

Между словами всегда дается только 1 пробел, в конце абзаца никаких дополнительных пробелов быть не должно.

Выделения в тексте допустимы *курсивом* или полужирным шрифтом Подчеркивание исключено. В файле должны содержаться все необходимые элементы статьи: изображения, таблицы, диаграммы.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

В тексте статьи и рецензии фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Сидоров, С.И. Кириллов, И.П. Александров). Между инициалом(-ами) и фамилией дается пробел (только один), а инициалы идут подряд — без пробелов. Например: И.И. Иванов, И.П. Павлов, Дж.Р. Кантору, Н. Хомский.

Изъятия и лакуны в цитатах или уточнения также требуют оформления. Например, «градация способов, [...] условий», «зона развития [в терминологии Л.С. Выготского] обусловлена».

Если какое-либо выделение в тексте (курсив, разрядка, полужирный шрифт или их комбинаторика) дано в цитате самим цитируемым автором — оно дается без комментария. Если выделение (например, курсив) дается Вами, то после завершения цитаты в круглых скобках указывается: (Курсив мой. — *И.И.*).

Список литературы: Источники должны быть пронумерованы и писаться с отдельной строки. Нумерация ссылок на источники в списке

литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. Допускаются только опубликованные материалы.

Для удобства авторов ниже приведены примеры оформления различных типов источников (порядок оформления упрощен за счет снятия дополнительной информации об авторе(ах) работы и тире между информационными группами библиографического описания.

Книга

Психология. Саратов: СГУ, 2015. 450 с.

Иванов А.А., Петров Б.Б. Психология. 2-е изд., доп. и перераб. (*если у книги есть автор(ы) + если книга переиздавалась + если указан характер переиздания*). М.: Наука, 2001. 330 с.

Иванов А.А. Психология: Вопросы методологии (*если в названии книги есть уточнение, оно дается после двоеточия, с большой буквы*). М.: Наука, 2010. 450 с.

Психология: Сб. науч. ст. М.: Наука, 2010. 450 с.

Иванов А.А. Возрастная психология / Отв. ред. В.В. Петрова, сост. Г.Г. Сидорова (*если у книги есть составитель(и) и/или научный(е) редактор(ы*). М.: Наука, 2001. 200 с.

Иванов А.А. Психология. СПб.; М.: Наука, 2001. 530 с. (е*сли книга издана не в одном городе, в качестве разделителя используется точка с запятой*).

Если сочинение многотомное, указывается количество томов и (при конкретизации) номер тома:

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Тверь: ТГУ, 2001. 220 с., 530 с.

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Т. 1. СПб.; М.: Наука, 2001. 220 с.

Статья в сборнике (после знака «//» оформление книжное)

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Иванов А.А. Социальная психология. М.: Наука, 2001. С. 90-100

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Практическая психология. Калининград: КГУ, 2001. С. 90-100.

Периодические издания

Журнал

Иванов А.А. Подростковая психология // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 90-100.

Газета

Михайлов С.А. Езда по-европейски // Независимая газета. 2002. 17 июня.

Таблицы, рисунки, сокращения

Требования к таблицам: таблицы должны помещаться в текст статьи, иметь нумерованный заголовок и быть удобными для чтения. Данные таблиц должны соответствовать цифрам текста.

Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды - в русскоязычном и англоязычном вариантах.

Рисунки: автор не должен использовать слишком много иллюстраций в работе. Каждое изображение должно быть оправдано содержанием статьи. Ссылки на рисунки в тексте обязательны. Нумерованную подпись следует указать дважды — на русском и английском языке под изображением. Рисунки обязательно даются в тексте (без обтекания текстом) и обязательно дублируются отдельными файлами в графических форматах (png, gif, tiff, jpg и др.) каждый. Имена файлов, образец: "Иванов_рис5".

Диаграммы, графики, схемы выполняются в программе Excel и присылаются отдельно от текста все в одном файле с расширением xlsx (предпочтительно) или xls; можно использовать и программу Word. Таблицы с данными включаются в файл, не следует их удалять.

Пожалуйста, не изменяйте формат, в котором изображения создавались первоначально. Например, созданная в MS Office 2007 диаграмма утрачивает часть своих свойств при сохранении в «младших» версиях пакета.

Рисунки должны иметь высокое качество и не требовать дополнительного редактирования, в том числе изменения размера (возможны искажения). Рисунки, особенно несложные, не следует делать слишком большими, они должны быть соразмерны тексту. Не перегружайте рисунки многочисленными надписями, комментариями – лучше использовать примечания.

Диаграммы, графики, схемы могут быть цветными, но при условии, что в черно-белом варианте (например, при печати) не происходит утраты информации и все элементы рисунка остаются хорошо отличимыми. Рекомендуются ахроматичные оттенки серого или сине-голубая гамма MS Office 2007 (синий, акцент 1).

Все виды изображений именуются рисунками. Подпись дается под рисунком, в конце подписи – точка; затем идут примечания.

Рис. 1. Название рисунка [в конце стоит точка].

Сокращения: все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам.

Образцы оформления полного текста статьи см. в Приложении 1.

Контакты

Необходимо указать полные контакты всех авторов.

В контактной информации должны быть указаны:

- ученая степень и звание, должность и полное наименовании организации.

- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты, номер рабочего телефона (с кодом города), номер мобильного телефона (исключительно для личной связи)

- идентификатор ORCID (подробнее здесь: http://orcid.org/), eLibrary SPIN-код (подробнее: http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp)

Дополнительная информация
Информация о конфликте интересов.

Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. В их числе: финансовые отношения с третьими лицами и интерес сторонних людей к продвижению научный работы.

1) Необходимо указать источники финансирования научной работы
2) Допускаются благодарности авторов лицам и организациям, оказавшим помощь в работе над статьей.
3) Допускается конкретизация работы и вклада всех авторов в подготовленный текст (дизайнеров, аналитиков).

Сопроводительные документы

Вместе с оформленным оригиналом статьи в редакцию должно быть предоставлено сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем со всеми подписями авторов)

ВНИМАНИЕ!
Обязательные правила при подготовке статьи!

Авторы обязаны согласиться со всеми нижеприведенными пунктами, иначе рукопись может быть возвращена!

- Статья не должна быть опубликована в других источниках. Ни частично, ни полностью. Текст не должен также быть на рассмотрении на публикацию в других изданиях. Если текст ранее предоставлялся на публикацию, автор обязан уведомить об этом редакцию.
- Оформление по правилам редакции: автор обязан оформить текст по приведенным правилам редакции.
- Наличие всех сопроводительных документов

Приложение 1

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 37.042.2

С.В. Мыскин
док. филол. наук, канд. психол. наук, доц.,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
myskinsv@yandex.ru

С.Г. Харламова
канд. психол. наук, заместитель директора,
Институт среднего профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129626, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
kharlamovasg@mgpu.ru

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФОРИЕНТАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ С ВЫРАЖЕННЫМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКИМИ НАРУШЕНИЯМИ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО ОРГАНИЗАЦИИ

Статья посвящена проблемам профориентации и профессиональной адаптации инвалидов с психофизическими нарушениями психики в условиях образовательной организации. Авторы проводят анализ зарубежного и отечественного опыта профориентации и профадаптации инвалидов для выявления наиболее эффективных форм организации данных процессов. /.../

Ключевые слова: образовательная организация, профориентация, профессиональная адаптация, инвалиды с психофизическими нарушениями, терапевтическая среда.

S.V. Myskin, S.G. Kharlamova

SPECIFICITY OF THE ORGANIZATION OF VOCATIONAL GUIDANCE AND PROFESSIONAL ADAPTATION OF PERSONS WITH SEVERE PSYCHOPHYSICAL DISORDERS IN THE CONDITIONS OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATION

The article is devoted to problems of vocational guidance and professional adaptation of disabled people with psychophysical disorders of the psyche in conditions of educational organization. The authors analyze the

foreign and domestic experience of vocational guidance and professional adaptation of disabled people to identify the most effective forms of organizing these processes. /.../
Keywords: Educational organization, vocational guidance, professional adaptation, disabled people with psychophysical disorders, therapeutic environment.

В настоящее время в столичных вузах и средних профессиональных образовательных существует практика организации обучения инвалидов. Как показал пилотный анализ, по окончании профессионального обучения выпускники-инвалиды испытывают острую потребность в трудоустройстве. Основным препятствием здесь выступают опасения и нежелание работодателей принимать на работу молодого человека с психиатрическим диагнозом [1, с. 11; 13]. Такое положение дел негативным образом сказывается не только на процессе профессиональной адаптации самого инвалида, но и на членах его семьи.

Родители в связи с уходом за ребенком-инвалидом вынуждены отказываться от собственной работы, что неминуемо влечет финансовые проблемы. Кроме того, социальное отторжение вынуждает семьи скрывать от окружающих факт болезни ребенка-инвалида, что приводит к/.../

Литература

1. *Мыскин С.В., Пашин Н.П., Калмыков С.Б.* Актуальные тенденции модернизации кадровой политики организаций в рамках содействия занятости инвалидов // Социальная политика и социальное партнерство. 2014. № 11. С. 11-16.

References

1. *Myskin S.V., Pashin N.P., Kalmykov S.B*. (2014) Aktual'nye tendentsii modernizatsii kadrovoi politiki organizatsii v ramkakh sodeistviya zanyatosti invalidov [Actual tendencies of modernization of personnel policy of the organizations within assistance of employment of disabled people]. Sotsial'naya

politika i sotsial'noe partnerstvo [Social policy and social partnership], 11, pp. 11-16.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Издательство
ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий».
Тираж 500 экз.
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24. Тел.: 8 (926) 384-02-69.
www.psycholinguistic.ru